Санара

Автор:
Вероника Мелан

Санара

Вероника Мелан

Город

Когда молодость и жизнелюбие твои постоянные спутники, когда удача в жизни соседствует с любовью родных, кажется, судьба у твоих ног. Леа Ренале дышит мечтой расшифровать алфавит забытых книг и прикоснуться к пониманию логики Древних. Но ее планам не суждено сбыться, потому Аид Санара – Верховный Судья – знает о том, что едва манускрипты раскроют свои секреты, быть войне. Привыкший работать лишь с тяжелыми преступниками, своих методов с Леа он не меняет. Их столкновение фатально. Но однажды Леа возвращается в жизнь Судьи совершенно иной, Новой, и ее уже невозможно ни запугать, ни разгадать.

Вероника Мелан

Санара

От автора: В скобках я, как всегда, указываю музыку, под которую создавались части.

Глава 1

Мир Аддар.

Остров Софос. Замок Доур.

Аид.

Толстая каменная кладка замка глушила грозовые раскаты, и, если бы не высокие дребезжащие сводчатые окна, Верховный Судья вообще не помнил бы про грозу. Собственно, он и не помнил, потому что смотрел на старое черно-белое фото с оторванным уголком. Мика на нем улыбалась – открыто, весело, как умеют улыбаться либо дети, либо те, кто не познал в жизни горя. Тогда она не успела его познать, ей было шестнадцать. За ее спиной стена старого амбара; Аиду помнилось, как горько и терпко пахла под солнцем растущая позади полынь. До боли яркое лето, жаркое, густое на события, как и все те, когда он был молод. А еще горяч темпераментом и непробиваемо эгоистичен…

Двадцать лет прошло. Двадцать.

Не верилось.

Цвет старой фотографии делал глаза Мики примитивно карими, но на деле они были шоколадными. Удивительными. Очень редко, когда Санара разворачивал шоколад, он сравнивал оттенок плитки с ее глазами и всегда мысленно качал головой – нет, у нее были насыщеннее. Чище, гораздо глубже.

Карточка потрескалась, поблекла от времени. Скоро, если продолжать держать ее каждый вечер, рассыплется от прикосновений. В ламинат бы, вот только даже пластик – как очередная стена, а стен между ними хватало. Стена прошедших пары десятков лет, стена ее смерти.

И мозг молчал. Не выдавал, сколько Аид ни силился себя превозмочь, формулы Моста Времени, ведущего в тот далекий жаркий полдень. Ни всполоха, ни искры, ни даже первого завихрения, а ведь он строил этих самых Мостов по десять, иногда двадцать штук в день. Почему не с ней? Бессильно нахлынул и сдал назад, как прибой, гнев.

Наверное, Микаэла прокляла его умирая. Сперва отказала ему, изнывающему от первой любви, во взаимности, после и вовсе отвернулась. Он не убил ее, нет. Но тогда, будучи восемнадцатилетним, умеющим делить жизнь лишь на белое и черное и едва открыв в себе дар Судьи, он более всего на свете возжелал ее мучений.

И они все для нее сбылись.

Ей не было и семнадцати, когда Мика замотала себе руки и ноги веревкой и свалилась в вечернее озеро с причала. Это был суицид по его вине и, значит, убийство – событие, которое он давным-давно пообещал себе исправить.

Ум молчал. Формула Моста Времени немо глядела на Верховного Судью из глубины, как незажженный фитиль пушки.

Фото пришлось бережно вернуть на место. Когда-нибудь он обязательно все исправит.

Но, увы, не сегодня.

Жить в замке уже не первую сотню лет обязывали всех Судей, но Аид так и не привык ни к высоким гулким коридорам, ни к гуляющему под потолком эху, ни к многочисленным, живущим собственной жизнью, звукам. Все не мог решить, принять сей факт или навести свои порядки? Может, потребовать себе «нормальное» отдельное жилье, напоминающее тот дом, в котором он жил на Уровнях? Со стульями на кухне, с прямоугольными окнами (а не с этими гротескными, похожими на церковные витражи), с вытяжкой над электрической плитой. Здесь ему готовили повара – вниз, на кухню, он спускался за последние пять лет всего раз или два. Обедал за длинным столом под канделябрами редко, слуг вообще сравнивал с призраками, по крайней мере, никто из тех, кто убирал пыль или мыл полы, ему на глаза не попадался. Год назад он не вытерпел, поставил в «тронном» зале перед камином мягкие удобные кресла, заменил стол и приказал оборудовать на современный лад спальню. До сих пор испытывал наслаждение от соприкосновения с хромированными кранами новой ванной комнаты и когда бросал взгляд на широкое зеркало и сверкающий кафель. Конечно, «этаж посетителей» трогать не разрешалось – Правящая Триала считала, что замок Судьи внешним видом и внутренним убранством должен

навевать страх, а какой страх возникнет от созерцания современных интерьеров? Хорошо, что посетителей мало, что они редки, и что ему самому не часто приходилось спускаться в мрачный «домашний» зал Суда, благо под него давно выделили отдельное помещение в центре Софоса.

«Спать здесь или вернуться на Уровни?»

Он как раз пытался решить эту дилемму, стоя в коридоре у широкой лестницы, когда вдруг тихим писком прямо в ухо поступил прямой сигнал от Дрейка Дамиен-Ферно.

* * *

Мир Уровней. Нордейл.

– Что-то срочное?

Глупый вопрос. Но иногда беседа велась глупыми вопросами, суть не менялась. Старинные часы в углу тихо и услужливо пробили час; если бы не лунный свет, очертания предметов слились бы с чернотой, однако присутствующих это не смущало, оба прекрасно видели в темноте.

– Сам как думаешь? Стал бы я звать тебя во втором часу ночи… сюда?

Дрейк иногда напоминал Санаре Элементала с родной планеты – инородного «чужого» со сверхспособностями и крайне запутанной логикой. Однако в отличие от Элементалов, Начальник изъяснялся на человеческом языке, и это облегчало общение.

А насчет «сюда»… Действительно, Аид до этого момента ни разу не находился в жилище Творца Уровней. В Реакторе – многократно. В личном пространстве? Никогда.

Наверху ощущалось присутствие спящей женщины – мирной и расслабленной, тщательно оберегаемой тем, кто сейчас сидел напротив. У подлокотника кресла

стакан со слабым алкоголем и льдом – Дрейк после работы не пытался напиться, скорее, о чем-то думал, расслаблялся. И в процессе «расслабления», намеренно или же случайно, нащупал тревожный факт, иначе глухой ночью в чужой гостиной не сидел бы гость.

– Ты меня знаешь, я редко сканирую чужие пространства, здесь дел хватает…

Прозвучало устало и цинично. «Здесь дел хватает…» – даже не преувеличение, преуменьшение из уст того, кто создал и самолично много лет стоял у руля Уровней.

– …но в этот раз я зачем-то посмотрел историю Аддара… Интуиция.

– Прошлую?

– Будущую.

И тишина.

Качалась у открытой двери балкона тонкая занавеска – здесь, как и на Софосе, зацветали в садах кусты. Кутала всех нежной любовью весна; звенела ранними голосистыми сверчками снаружи ночь.

– Я бы посоветовал тебе насторожиться и кое-что предпринять.

«Я слушаю», – мог бы ответить Аид, но он и так превратился в сплошные уши, Начальник знал об этом.

– Не могу приказывать, могу только рекомендовать. Сам знаешь, в том мире я тебе не Начальник, пустая формальность.

«Говори».

Звякнул в стакане лед.

– Я не нашел точку «невозврата» по Карте Судьбы, но я нашел того, с кого все закручивается в фатальный узел. Грядет война, Аид.

– С кем?

– С Элементалами. И человеческая часть твоего мира проиграет ее.

То был момент, когда Санара, как пес в дождь, стряхнул с себя накопившуюся за часы работы усталость.

– Ты уверен?

– Уверен ли я? – Невзрачный на первый взгляд мужчина редко усмехался. И еще реже делал это таким мрачным весельем, как теперь. – Девяносто шесть и четыре процента…

Впору бы сматериться или услышать, как сердце пропустило удар, но Аид, подобно статуе, молчал. Он всегда молчал, когда требовалось действовать быстро, точно и очень аккуратно.

– Смотри сюда…

Между собеседниками в воздухе высветилась голограмма: приятное молодое женское лицо внутри желтого квадрата.

– Остров Софос, твой родной дом. Ее зовут Леа Ренале, двадцать лет, студентка института научно-исследовательских и экспериментальных технологий. Точнее, вот уже несколько дней как выпускница факультета Элементалогии. Это она через два месяца сумеет расшифровать чужеродный алфавит и начнет переводить первую книгу Древних. А еще через полгода представит вашему Конгрессу научный труд о первых шагах по «коммуникации с расой Элео», получит награду высшей степени, присоединится к группе ученых, желающих наладить первый «контакт».

У Аида сохло в горле.

Раса людей на его планете жила с Элементалами бок о бок тысячелетиями. И контакт еще ни разу не был налажен – не в той мере, в какой надеялись на него люди. Раса Древних слышала и воспринимала человеческие попытки связи, но никогда не отвечала на них.

– «Контакт» состоится?

– Да. Но положительные результаты будет приносить недолго. Вскоре назреет непреодолимый конфликт…

Санара не хотел слышать историю, которая никогда не получит продолжения. Дрейк прочитал все по светящимся в темной комнате белым светом глазам.

– Я знаю, она молода и ничего не нарушала. Уговори. Повлияй. – «Это не приказ. Совет».

Ты умеешь.

Последнюю часть фразы Начальник не стал произносить вслух. Они оба знали, что последнее, чего захочется любому разумному человеку, это испытать на себе влияние и «уговоры» Верховного Судьи.

– Если нет, деактивируй.

«Какие шансы на мирный исход в случае деактивации?»

Они слишком долго работали вместе, чтобы при каждом вопросе раскрывать рот.

Дрейк двинул пальцем, экран отобразил цифры.

– Если Леа не расшифрует алфавит Древних, расы на Аддаре будут мирно сосуществовать следующие… лет четыреста пятьдесят. Насколько я вижу отсюда.

«Ясно».

Аид больше не «спал» – он запоминал. Черты женского лица, имя, адрес, дату рождения. На автомате отметил, что двадцать один год ей исполнится завтра. В том случае, если мисс Ренале окажется достаточно умной и восприимчивой к совету свернуть в сторону с выбранной дорожки.

– Я сказал.

Подвел итог Дрейк, салютуя гостю пустым стаканом.

– Я услышал.

Чужой дом Санара покинул не прощаясь.

* * *

Аддар. Остров Софос.

Леа.

(HONNE feat. BEKA – Crying Over You)

Солнечное утро; птичий гомон за окном. Я открыла глаза и первым делом посмотрела на часы – десять тринадцать. Фух, могло быть и хуже. Когда ложишься спать далеко за полночь (иногда очень далеко за полночь), есть шанс проснуться в обед, а сегодня подобная вольность мне запрещена – планов громадьё. К часу дня с восточного острова в аэропорт прилетит отец, откуда сразу направится на Иттан. Боже, мама с сестрой это сделали! Арендовали для празднования самый маленький и самый элитный островок с одной-единственной на нем постройкой – белокаменной виллой Лемье (с беседкой и бассейном), которую в обычные дни могли позволить себе только состоятельные жители столицы. Но сегодня – особенный день, день моего рождения. И означал он для меня многое. Во-первых, мне двадцать один, и это значит, что я совершеннолетняя и отныне могу строить собственную жизнь по законам

исключительно своей логики и зову сердца. Во-вторых, это полная свобода. Потому что окончился институт, а вместе с ним расчерченные на клеточки бесконечных занятий и экзаменов дни. Отныне – нет чужому расписанию, да – крыльям за спиной для исполнения всех мечт и желаний. В-третьих, с сегодняшнего дня я официально имею право выйти замуж, а Кевина (по слухам моих подруг) недавно видели в ювелирной лавке…

«Интересно, мое обручальное кольцо будет с консервативным прозрачным камнем? Или же с голубым, означающим вечную верность? Может, с розовым – символом бесконечной нежности?»

Хоть с каким – зеленым, фиолетовым, радужным, – неважно. Важно, что мы с моим парнем, знакомым мне еще с первого курса и узнанным вдоль и поперек, как висящая в шкафу любимая клетчатая рубашка, получим право законно соединить наши судьбы. За пять лет уже почти родные. Притерлись, срослись, прошли университетские трудности, кружки, столовую и одну на двоих диссертацию. Кому еще доверить свое счастливое «жили долго и счастливо», как не ему?

На полке тисненный узором и недавно врученный мне деканом красный диплом.

«Наконец-то. Я специалист. Отныне могу посвятить все свободное время им…»

Им – Элементалам.

Не знаю, как другие представители человеческой расы не видели в них чуда, я – видела. С самого детства. Когда наблюдала полупрозрачных людей в парках, когда гонялась, как за мыльными пузырями, за их светящимися шлейфами, когда силилась поймать их за руку. Тогда не знала, что наши соприкосновения невозможны, что мы живем в сдвинутых по вибрационной сетке реальностях, четырехлетней мне сложную терминологию было не разуметь. Я просто верила, что эти существа волшебные. Потому что только волшебные люди могли оставлять за собой светящиеся следы, растворяться посреди улицы и напевать тихие, почти неслышные песни. А также соединять все острова невидимыми мостами, создавать бесшумные моторы для аэролетов и единый источник энергии, от которого теперь без нужды в электростанциях питался Софос. Уже молчу о многочисленных поющих арках, магических камнях среди заброшенных руин замков и Воротах Правды на Эрете – острове заключенных. Никто и по сей

день не понял, как они работают.

А люди даже не могут сказать Элементалам банальное «спасибо», что в высшей степени несправедливо, учитывая, сколько «чужих» благ мы ежедневно пользуем. Ничего, я составлю алфавит, ведь я уже – пусть пока совсем чуть-чуть – начала понимать его.

Впереди свобода и лето, я брошу все силы…

«С днем рождения, котенок. Сегодня в шесть, как договаривались?»

Смска от Кевина заставила меня улыбнуться. Звонки, поздравления – скоро все потечет рекой. Родня и знакомые уже привыкли к тому, что я сова – ложусь не раньше трех. А что поделать, если ночью Элементалов видно отчетливее всего? Их так сложно засечь среди солнечного света и людской толпы днем, зато ночью… Ночь – мое время. Во тьме мои глаза различают, что часть их соткана из Воды, другая часть из Огня или Воздуха. В редких случаях – Эфир. Я со всем этим когда-нибудь разберусь, ведь есть огромное желание и еще сохранились в библиотеках книги.

«Да, в шесть, в Бонзе», – напечатала я, отправила следом виртуальный поцелуй и отложила телефон. Потянулась в постели – пора подниматься. Скоро позвонит мама, спросит, чем лучше украсить праздничный торт, который она печет для меня каждый год, а следом осыплет градом благостных пожеланий любимая старшая сестра. Отличный день, безумно счастливый. Дорогая вилла, слепящий бликами синий океан и вся семья в сборе! Наконец-то, ведь отца я не видела уже долгих четыре месяца.

– …ты знаешь, что ему выдали премию? Он говорит, что приготовил тебе какой-то «супер» подарок, но даже мне не сказал какой, не спрашивай…

Я не спрашивала. Я чистила зубы и прижимала телефонную трубку к уху. Собственно, маме от меня требовалось немногое – слушать. И я слушала. Иногда мычала в знак согласия.

– Орехи и шоколад сверху, как всегда?

– М-м-м.

– Может, ягод еще свежих? На рынок такие сочные завезли, что я не удержалась, купила. Добавим?

– М-м-м! – раза в два радостнее предыдущего.

– Поняла. Крем для коржей и пропитку я уже сварила. Судя по запаху, все получилось отлично… Леа, ты на морском будешь в полвторого? Без опозданий?

– М-а-а-а…

Звякнула о стеклянный стаканчик промытая под струей воды щетка, я принялась полоскать рот.

– Все, ладно, я слышу, что ты там перья чистишь. Встретимся на Иттане. Боже, там так красиво! Ты еще увидишь…

Отбой, короткие гудки. В высоком зеркале ванной отражалась худощавая русоволосая девчонка – гибкая, как тростинка. Узкие кости, узкая талия, пацанячьи бедра. Ну да, у меня не наросло в нужных местах, как у многих, и теперь уже, наверное, и не нарастет. Ровный носик, аккуратный рот, хитрые, как будто я с детства что-то задумала, глаза. Я такая, какая есть, я – Леа. Очень счастливая Леа.

* * *

Аддар. Остров Софос.

Аид.

(HammAli & Navai – Прятки)

Голубая рубашка поло, отглаженные брюки, кожаный ремень, мокасины – местная штатская одежда была ему так же непривычна, как и жара на улице. Здесь, на Аддаре, Санара проводил большую часть времени либо в собственном замке, где холод держали цепкие стены, либо в судах и тюрьмах, где теплую температуру заключенные знали лишь по воспоминаниям. К тому же его почти всегда укрывала черная хламида-плащ, которая визуально проявлялась тогда, когда он полноценно включался в работу. Сейчас же Аид намеренно из работы «выключался», ему не нужно было выносить вердикт, ему требовалось просто поговорить.

Почти одиннадцать утра; весна жаркая, решившая примерить на себя роль лета – в воздухе пух, терпкий, кружащий голову запах цветущих яблонь. Трава на клумбах после ночного дождя глянцевая, блестящая, почки выпустили листву даже на ветвях привередливых к устойчивой погоде деревьях Эйе.

Еще сильнее цветами пахло внутри магазина, куда он вошел следом за «целью». «Клео», лавка растений неподалеку от дома девчонки, предлагала горшки с зеленью, а также свежие и не очень букеты тем, кого настиг праздник, или тем, кому хотелось романтики. Аиду не хотелось ни того ни другого, он наблюдал за стоящей у прилавка Леа. Молодой, очень гибкой сознанием и телом, исполненной вдохновения, словно фонтан с небесной манной. Совсем девчонка.

Он тяжело вздохнул, поморщился. Нет, не аллергия на пыльцу, но вдруг на секунду придавило сходство с Микой – мимолетное, едва уловимое. Та же аура счастливой безмятежности, сердце полное надежд, увлеченность. Именно ее терять сложнее всего и очень болезненно приходится восстанавливаться, но лучше уж потерять увлеченность, чем саму жизнь, ведь так? Санара в какой-то момент расслабился, занырнул в чужую ауру счастья, ощутил себя лежащим на теплом крыльце сытым котом – рядом со ступенями колышется молодая тугая трава, копошатся у амбара непойманные мыши, ласково кличет в дом на миску молока хозяйка…

– Вот эти? – Внимательная продавщица бросила на посетителя строгий взгляд, мол, сейчас разберусь с девушкой и подойду к вам.

«Цель» выбирала букет, точнее «букетик». Себе? Небольшой, состоящий из мелких желтых и розовых цветков, способный утонуть в вазе, но хорошо бы уместившийся в кружке или стакане.

Санара шагнул ближе, почти поравнялся с Леа у прилавка.

– Как, говорите, они называются?

– Зедельфилла.

– Как мудрено…

– Симпатичные, – вдруг вставил слово Аид, намеренно привлекая к себе внимание. На него тут же взглянули удивленные и чуть хитрые глаза – радужка цветная от бликов. Он привычно ускользнул от взгляда.

– Правда? Мне тоже нравятся. Будут здорово смотреться на кухне, где желтые обои, да?

Она разговаривала с ним, как с другом – легко и непринужденно. Непуганая, веселая, не знающая ни бед, ни настоящих обид. Призрачное сходство с Микой усилилось. Разве что глаза не шоколадные, а… светло-карие? Медовые? Он бы разобрал, если бы выносил приговор, но его прямой взгляд никто не выдерживал, «спекался», и потому прямо ни на кого он давно не смотрел. Привык.

– Нам нужно поговорить… Леа.

Рядом с его плечом вздрогнули – не снаружи, внутри. Все верно, она не называла ему своего имени.

– С днем рождения, – произнес он глухо, – жду тебя на улице.

(Hailee Steinfeld – End this [L.O.V.E.])

Его наставник – старый Судья Кравад – славился истинной любовью к своей профессии и неоправданной жестокостью, Аид же подобное качество не перенял. Он никогда не казнил собственноручно, убивал в случае крайней

нужды, вердикты выносил просто глядя в глаза. В этом и заключался дар – Санара видел сознание того, на кого смотрел: прошлое человека, его помыслы, текущие намерения, детские и взрослые психологические травмы, уровень агрессии. Редко приговаривал к смерти (хотя случалось и такое), чаще выбирал путь принудительного изменения чужой судьбы – умело переставлял «пешку» из одной клеточки в другую. Отчетливо и точно выбирал из бесконечности уже существующих вероятностей ту, где преступник ощущал бы себя хуже всего, сдвигал точку фокуса. Если бы кто-то попросил Аида наглядно описать процесс, то он ответил бы: «Это как бесконечный нотный стан, сотканный из тысячи светящихся линий. Я лишь смещаю ноту…» Он ни к кому не прикасался руками – ни своими, ни чужими, – просто смотрел в глаза, и самые жесткие и черствосердечные преступники, предчувствуя близкий конец, взвывали под этим взглядом. Ломались все, никто не выдерживал.

Случайные же прохожие, поймав направленный на них белесый отсвет зрачков Судьи, чувствовали себя так, будто их на мгновенье выдернули из жизни. Поместили из жары в стужу, просветили небесным рентгеном, препарировали и распятыми, привязанными к операционному столу, оставили выжидать финального решения. Несмотря на невидимую анестезию, которую Санара неизменно использовал в процессе, им было очень и очень страшно.

Поэтому на подсевшую на лавочку Леа Аид не посмотрел, продолжал созерцать склонившегося над велосипедной цепью паренька метрах в двадцати от них, у дальней клумбы. Слушал гул машин, чувствовал, как печет макушку солнце и как изливается нетерпение из его соседки – той хотелось поскорее уйти. Но не позволяла вежливость или же желание прояснить, откуда посторонний, ни разу не встреченный ей ранее человек, знает имя…

– Простите, мы знакомы?

В ее мыслях океан, скорая встреча с отцом, вопрос о суперподарке «Папа, что ты мне приготовил?». Леа была уверена – это что-то грандиозное, отец не разменивался на мелочи, а если уж премия…

Ее было так просто читать, это даже казалось трогательным. Никакой закрытости, никакой защиты – мягкое податливое сливочное масло. И говорить об их «незнакомстве» не имело смысла, она прекрасно знала об этом сама.

– Хороший день, правда? Отличный, – начал он мягко, хотя в его работе мягкость требовалась крайне редко. Скорее обратная сторона медали.

– Хороший.

Ее изучающий взгляд ползал невидимой мошкой по его рукам – очень мощным запястьям, предплечьям, бицепсам. Наверное, в рубашке с коротким рукавом он смотрелся рельефным, готовым к соревнованиям атлетом. Не объяснять же ей, что для мощного ментального умения прокачанное физически тело – важное требование.

– Так… о чем вы хотели со мной поговорить?

Санара перевел взгляд на застывший в тонких пальцах букет из мелких желтых цветов.

– Лето, двадцать один год, вся жизнь впереди – разве это не прекрасно?

Действительно, тянуть не имело смысла.

– Откуда вы знаете про мой день?..

– Любящая мать, чудесная сестра, – перебил Аид, – скорая встреча с отцом. Здоровым, сильным, улыбающимся. Любимый парень, который вечером сделает предложение…

Леа немо открывала и закрывала рот. В бешеном темпе искала объяснение тому, откуда какой-то незнакомый тип может знать про отца, сестру и Кевина. Совпадение?

– Хочешь, чтобы так все и осталось? Все здоровые, счастливые, довольные.

– Послушайте…

Он как будто ей угрожал, а она не понимала за что. И действительно, угрожал ли? В конце концов она выписала ему презумпцию невиновности – помиловала, мысленно приписала некие положительные качества, которых в нем не было. Ах,

молодость и милая наивность.

– Не знаю, откуда вы знаете про моих родных, но да – все счастливые и довольные. А за поздравление спасибо.

Она собралась уходить. Секунда – поднимется со скамейки, скроется в тенистой аллее парка, а через минуту думать забудет о непонятном мужчине в голубой рубашке. Подумаешь, странный тип… Просто серое облако, прошедшее стороной.

– Если ты хочешь видеть свою жизнь безоблачной и дальше, ты должна мне кое-что пообещать.

Он перемещал взгляд все ближе к ее лицу – оглядел узкие запястья, руки-веточки, дошел до родинки у плеча прямо под танцующем на ветру рукавом блузки. Вернулся взглядом к букету, с удовольствием отметил, что градус напряжения возрос. Чем он выше, тем ближе понимание.

– Почему я должна вам что-то обещать?

– Потому что, если ты этого не сделаешь, сегодня все начнет рушиться.

Неуверенность, замешательство, примесь страха – реакция как по нотам.

– А обещаешь ты мне следующее: начиная с этого дня и навсегда, ты прекращаешь заниматься Элементалогией в любом ее проявлении.

– Что-о-о?

Возмущение, долетевший издалека предгрозовой ветер в виде гнева.

«Да как вы смеете пытаться лишить меня того, что я больше всего люблю?»

Ему не стоило затевать этот разговор в ее день рождения. Это было в высшей мере жестоко – не позволить ей напоследок насладиться, отпраздновать, погулять и побыть свободно-счастливой. Однако Санара знал, что именно в этом состоянии чаще всего увлеченных людей, ввиду переключения на парящую

волну, накрывают озарения, и не мог этого допустить. У эффекта бабочки есть один неприятный аспект – никогда не знаешь, какой шаг становится критичным на пути развития нежелательных событий. Увы, рисковать нельзя.

– Воспринимать меня несерьезно – большая ошибка, – продолжил холоднее.

– С меня хватит.

Она почти успела подняться, когда он резко бросил «Сядь!», и Леа припечатало обратно к лавке так быстро, будто вес ее с шестидесяти килограмм увеличился до полутонны.

– Хочешь и дальше счастливую жизнь, будь готова за нее заплатить. – Его так и подмывало посмотреть ей в глаза, но он держался. – Даешь мне обещание, и я исчезаю из твоей жизни, будто никогда не появлялся в ней.

– Я ничего не собираюсь вам обещать.

«Тем более этого».

Жаль, что простой и мирный путь ни с кем не срабатывает. Придется усложнять.

– Во сколько рейс твоего отца? В одиннадцать тридцать? Через десять минут посадка…

– Напомнить вам про закон и органы правопорядка?

Злой и взъерошенной кошкой она вступила в бой. Похвально.

«Я сегодня же напишу на вас заявление».

Про закон… Аид заледенел еще на пару градусов. Закон – его тема.

– Напомнить? – отрезал недобро. – Нравится это слово? Давай тогда тебе кое-что напомню я. У твоей матери слабое сердце – аритмия, таблетки, постоянные наблюдения у кардиолога, верно? Стресс сегодня будет ей совсем некстати. Что

напомнить дальше? Может, про сестру и твою прекрасную племянницу? Сколько ей сейчас, три? Дети такие непоседливые в этом возрасте, за ними глаз да глаз. Сечешь? Только отвернулся, и – оп! О чем напомнить еще? Ах да, про аэролеты, на одном из которых вскоре полетит твой отец…

Волны чужой ненависти омывали его, как мутный прибой.

– Аэролеты – стабильные машины!

– Стабильные. Если только не попадают в грозовой фронт выше шести баллов. И как нехорошо будет, если такой на пути случится…

Происходящее казалось Леа не то сном, не то непонятно откуда свалившимся на нее недоразумением. Сегодня самый счастливый день ее жизни, в нем попросту не может быть беды.

– Вы… бредите.

Увы, он не бредил. Сместить фокус жизни Леа туда, где все это произошло – раз плюнуть. Шаг за шагом он додавит ее, наступит на хрупкий хитиновый панцирь железным ботинком, услышит привычный характерный хруст. Вопрос времени.

Больше ей не нравились ни его мощные рельефные руки, ни мужественный профиль, который женщины чаще находили бы привлекательным, если бы ни его взгляд. Лишь бы не проявилась и не напугала ее до колик черная хламида, но за этим Санара следил.

– Отступаешься от Элементалогии – живешь спокойно.

– Я уже ответила!

Процедила, как отрезала.

– Жаль. – Ему действительно было жаль. – Сколько тогда всего неприятного может сегодня случиться.

– Да пошел ты!

Вот и славно, вот и перешли на «ты».

Леа взвилась с лавки пружиной, и он не стал ее удерживать. Усмехнулся тому, что сквозь податливое масло вдруг проступил в ней стальной стержень, сам не понял, огорчился ли тому, что легко не будет.

Она неслась по направлению к дому прочь от него и его ужасных слов, забыв про зажатый в руке букет.

– Встретимся чуть позже, Леа, – напутствовали ее тихо.

Кажется, неплохо бы купить воды. Где тут ближайший киоск?

* * *

Леа.

«Пап, у тебя все нормально?»

Триста раз по пути домой я обещала себе, что не поверю ни единому сказанному мне слову. Не дам испортить себе настроение, не поддамся, не буду никому звонить!

Но набирала отца вот уже шестой раз кряду – «номер вне зоны досягаемости…»

Значит, уже внутри, уже летит.

Долго сидела на кухонном диване, успокаивалась, глядела на переставший отчего-то радовать букет в стакане.

«К Охранителям? Что я им скажу, что мне угрожал какой-то придурок? Лучше отцу, когда встретимся…»

Спустя несколько минут решила – это завистник. Наверняка знакомец или родственник декана, который всегда желал найти мне замену в коллективе исследователей Элео. Конечно, получил доступ к моей личной истории, прочитал имя, дату рождения…

«И про родню?»

«Ну, про родню не так уж сложно узнать через друзей».

Заплатил за информацию, пришел до того, как меня назначат руководить группой ученых, знал, что я на пути к грандиозному успеху. Может, Кевин с кем-нибудь не тем поделился… А после поздно будет что-то менять, вот этот и пришел угрожать до. Сволочь!

Котел раздражения внутри еще булькал, но уже успокаивался. Не так сильно грохотала о невидимый раскаленный обод крышка.

Спокойно. Жизнь продолжается, это все тот же мой прекрасный день и его ничто и никто не испортит. Те же радостные желтые обои, теплый солнечный свет, блеск луча на выпуклой вазе. Вдох-выдох, ровное биение сердца. Талантливым исследователям часто мешают идти наверх, но я не сдамся и однажды доберусь до вершины.

Прежде чем приступить к уборке квартиры, я не удержалась и проверила на сайте метеорологов – грозового фронта на пути рейса ТС-204 не наблюдалось.

Мандабол – вот он кто, – клубилась я мысленно, доставая из шкафа пылесос. – Даром, что руки привлекательные и профиль красивый, как у статуи.

Однозначно мандабол!

Слово мне нравилось.

К тому времени, когда на сотовый позвонила мать, ковры во всех комнатах пахли моющим средством, поверхности полок и столов блестели, в углах после швабры ни миллиграмма пыли.

– Алло!

Я бодрая, полностью успокоившаяся и вернувшая приподнятое расположение духа.

Сколько прошло, полтора часа? Почти два?

А на том конце рыдали.

– Мама, что такое? Мам?!

– Леа… его аэролет… попал в грозу…

Моя способность слышать моментально нырнула в болото – уши закупорились, сознание поплыло.

– Не может быть…

– …Они сели на воду, а ты ведь знаешь, что А-7 слишком тяжел для воды… Папу вытащили из океана, вода в легких. Откачали, но он в реанимации… Я сейчас к нему. Вы с Герой празднуйте, ладно? Не отменяйте виллу, но мы не приедем…

– Мама, я выезжаю…

– Не вздумай, я с ним, он стабилен. Только придется без торта – не привезу…

Вода в легких. Операция не нужна, но он в реанимации…

Долбил виски невесть откуда взявшийся отбойный молот, выпала из рук тряпка. Я кое-как удерживалась от того, чтобы не осесть на пол прямо возле стола; сотовый давно пищал короткими гудками.

Совпадение. Грозового фронта не было по прогнозам…

Совпадение?

Меня знобило посреди теплого дня.

Это случайность… Отец выберется, он сильный.

Какое-то время я сидела в тишине, неспособная соображать или же не желающая этого делать. Облако, кружившее до того в отдалении на горизонте, все-таки закрыло собой солнечный свет. Плавали в косом луче света поднятые пылесосом невесомые пылинки – их все не убрать, сколько ни старайся.

Мне отчаянно требовалось чье-нибудь душевное тепло, рука поддержки. И потому, когда разразился трелью стационарный телефон, я направилась к нему, как измученный жаждой нищий к протянутой фляге. Пусть это будет тетя, бабушка или же одна из подруг… Пусть мне скажут те самые банальные слова поздравления, к которым раньше я относилась снисходительно, пусть пожелают «добра», «здоровья», «радости», «счастья» или же чего угодно. Я во все поверю, укутаюсь в это, завернусь, как в теплый плед. И полегчает.

– Алло…

– Я предупреждал, – раздался на том конце мужской голос, который я успела возненавидеть.

Рвануло в неконтролируемый галоп сердце.

Безо всякого ответа трубкой о телефонный аппарат я брякнула так, что будь то не трубка, а челюсть, у нее выпали бы все зубы.

* * *

– …Незнакомец в парке угрожал вам? Чем именно? Грозил лишить вас жизни, нанести увечья?

– Да… он… нет.

Охранитель низшего чина, оставшийся дежурить в управлении, откровенно скучал. Мятая рубашка, такое же мятое, уже уставшее от жизни, хоть и молодое

лицо. Сутулый вид. За окном жара, беспечно звенит день; в кабинете прохладно, убрано, но неуютно. Я стойко держалась под неприветливым взглядом.

Хотелось бы мне ответить «да, сволочь, угрожал!», но мужик на лавке – обидно признавать – напрямую этого не делал. Все юлил, мол, жизнь хрупкая, судьба изменчива, здоровье родителей не вечно – вдруг все рухнет?

– Доставал при вас оружие?

– Нет. Но говорил, что, если я не брошу заниматься научным трудом, все начнет меняться в плохую сторону. И начало.

– То есть незнакомец вам не угрожал?

Ему хотелось побыть снаружи – следователю. Не здесь, где тихо и пусто, где в коридорах не слышны даже редкие шаги, а в сквере, откуда доносилась веселая музыка. Постоять в тени деревьев, покурить, размять затекшие от долгого, а главное, бессмысленного сидения на стуле, плечи. Он бы давно ушел, оставив на двери телефон для срочных нужд, быть может, прогулялся, съел мороженое, но явилась я. И осталось лишь кидать тоскующие взгляды на пыльное окно. Настоящие сложные дела решались быстро и сразу же передавались в Суд, а этот был обречен принимать граждан, подобных мне.

– Угрожал… Но не напрямую, завуалировано.

Тяжелый вздох.

– А чем именно вы занимаетесь?

– Элементалогией.

Хорошо, что сидящий напротив не хмыкнул вслух «это ж одно с мифологией». И веры мне, судя по равнодушным глазам, сделалось еще меньше.

– В этой науке есть что-то важное?

– Есть, конечно! Или будет. Я не знаю… пока.

Наш диалог расползался по швам, как тонкая бумага, измазанная в клейстере.

– Грозили надавить на ваших родителей? Родственников?

– Этот мужчина сказал, что аэролет моего отца попадет в грозу, которой, между прочим, не было на метеорологической карте. И он попал!

На меня смотрели безучастно, как на душевнобольного, которому полагалось пятнадцать минут в день беседы с доктором «по душам».

После продолжительной паузы подъехал, придвинутый чужой рукой, по столу пустой лист бумаги, следом была предоставлена ручка.

– Пишите.

– Что… писать?

– Заявление.

Я, никогда в жизни не писавшая заявлений, растерялась.

– Как его составить? Поможете?

– Конечно. «Я, такая-то, такая-то, хочу подать жалобу на неизвестного мне пророка за то, что его предсказание сбылось…»

– Я не хочу подать жалобу на пророка, – булькнула во мне злость. – Он сделал ее – эту грозу.

– Создал дистанционно? Соткал из облаков?

– Да. Чтобы аэролет отца упал.

– Тогда пишите: «Прошу призвать к ответу человека, ответственного за создание грозового фронта по таким-то координатам…»

Управление я покинула быстрым шагом, предварительно скомкав чистый лист бумаги и швырнув его в урну.

* * *

Вызвать такси и вернуться домой? Это утро – мирно шумящее зеленой листвой и играющее бликами солнца – научило меня бояться улицы. Нахождение внутри собственной квартиры, впрочем, тоже. Страх, оказывается, вещь цеплючая, сосущая силы и кровь не хуже голодной пиявки. Вокруг здания органов правопорядка потрескавшиеся дорожки, на дорожках сбившийся в стайки пух с мшистых деревьев. Раньше бы я удивилась и порадовалась этому факту (как рано!), теперь радовалась лишь виднеющемуся сквозь растительность забору.

«Сюда он не сунется».

Одиночество в день рождения – вещь мной не особенно приемлемая, а уж в такой день рождения…

– Мам? – набрала я знакомый номер. – Я к вам приеду?

И спустя пару минут обреченно опустила трубку. Потому что «все в порядке, я с ним. Ты, пожалуйста, езжай на виллу, побудьте там с Герой и Данкой, хоть одно светлое пятно для меня в этом дне…»

Я вздохнула – меньше всего хотелось отправляться на речной вокзал, а оттуда на элитный остров.

Хлопнула позади дверь управления; прикуривал сигарету, стоя на крыльце, знакомый мне следователь – наконец-то он получил шанс оставить на двери телефон и подышать воздухом.

(The Tech Thieves – Lighthouse)

Торговый центр через улицу привлек меня двумя вещами: наличием в нем большого количества людей и открытыми кафе. Первое поможет чувствовать себя в относительной безопасности, второе – заполнить желудок, пустующий с момента пробуждения. Из дома в цветочный магазин я сорвалась уверенная, что вернусь быстро, позавтракаю, поеду в косметический салон. Не поехала.

Столик на втором этаже я выбрала такой, чтобы сидеть спиной к стеклянному ограждению, за которым струилась вниз – с третьего этажа на первый – сверкающая инсталляция водопада. «Кафеларна» забита процентов на шестьдесят; вокруг обилие стекла и манекенов за ними – безликих, но ярких, одетых по последней моде. «Весенние скидки 20 %-30 %-50 %»; я жевала свой тост, ежесекундно опасаясь, что раздастся либо взрыв (и все стекло полетит людям в лица, как в фантастических фильмах), либо обвалится крыша, либо, на худой конец, сорвется вниз за моей спиной груда декоративного металла. Сгладить нервозность не помогали ни чужая, по большей части возбужденная и радостная речь, ни наличие музыкального фона из динамиков, ни расслабленный вид прогуливающихся мимо. Кто-то пришел за покупками, кто-то спрятался от жары в бесплатную прохладу здания.

Тост был хорошим – с яйцом, ветчиной, мягким сыром и веточкой спаржи. В другой день я обязательно передала бы через официанта повару спасибо, но теперь лишь медленно выдыхала тревогу, глядя на опустевшую тарелку с оранжевым мазком от желтка.

Я – дура. Все хорошо… Аэролет упал потому, что на сайте метеорологов несвоевременно обновили информацию. Только и всего. Так бывает.

Возможно. Все просто совпадение. Пора, наверное, уже успокоиться.

Мне принесли кофе. Душевный – в большой чашке, горячий, с плотной, посыпанной шоколадной крошкой, пенной шапкой.

Вот тогда он и сел напротив.

Скользнул за стол, зашуршал одеждой – прилипшая взглядом к напитку, я уловила размытое голубое пятно рубашки – и принял расслабленную позу. Откинулся спиной на стул, сцепил где-то под столом руки – хорошо, что под

столом, потому что в этот момент я испытывала девяностопятипроцентную готовность воткнуть в чужую ладонь нож. И этот нож, как назло, завернутый вместе с вилкой в салфетку, будто тестируя мой темперамент, оставил лежать на столе официант.

Куда только улетучилось мое робкое облегчение «все наладится». Не наладится. И ненавистный мне рядом человек – ярчайшее тому доказательство.

Впервые с момента нашего знакомства я набралась смелости посмотреть ему в лицо. При всей мягкости лицевых мышц и правильности черт, удивительно жесткое, ненапряженное, но пугающее взглядом, направленным куда-то поверх моего плеча. Светло-русые волосы, широкие плечи, странная, мирная, не сочетающаяся с обликом аура. Успокаивающая, будто обезболивающая…

Мне впервые стало страшно где-то в самой сердцевине.

«Этот не отстанет». И стало понятно – он прекрасно знал о моем походе в Управление, попытке написать заявление, привлечь на свою сторону закон.

Кофе я так и не попробовала, теперь меня от еды тошнило; мерещилось, что на госте за моим столом надет черный плащ, а мужские руки под столом сжимают круглый медальон. Чужой взгляд не пилил лишь потому, что был сдвинут на несколько градусов левее, жег лазером воздух возле моего уха.

Рухнула всякая надежда на светлое и доброе продолжение дня.

Хорошо, что первой фразой, которую он произнес, не была «Как отец?». Я бы перестала за себя отвечать.

Но нет, он спросил другое:

– Ты не стала сговорчивее?

Мой ответ просочился сквозь сжатые зубы.

– Незаметно?

И кофе попробовала из упрямства – я заказала, я выпью! Почти не тряслись несущие ко рту чашку ладони.

– Жаль.

Он рассматривал манекены с тем же равнодушным любопытством, как недавно сама я. Мелькнула и тут же исчезла с горизонта мысль о том, чтобы включить в режим диктофона сотовый – увы, ни разу не пользовалась этим приложением, к тому же мобильник в сумке. Не подготовилась я к новой встрече, и принести в Управление доказательства угроз снова не получится.

– Как сестра?

Чтобы ответить спокойно, пришлось собрать всю выдержку в кулак.

– С сестрой все хорошо.

– Уверена?

Взгляд-лазер ближе к уху. Казалось, мой спутник просто принялся рассматривать другой бутик, мне же захотелось уклониться. Склониться под самый стол.

– Уверена.

В этот момент зазвонил сотовый мелодией «Живи-кружи в любви» – мелодией моей сестры Геры.

«Я не знаю, как это случилось, – лепетала и плакала трубка. – Данка такая подвижная с утра… Как она вбила себе что-то под ноготь, как можно было так обо что-то запнуться?! Ума не приложу! Но теперь мы в травмпункт, к хирургу, ноготь, может быть, придется снимать…»

Заиндевевшей мне дали отбой на словах «все, за нами пришло такси…» под сопровождение детского рева на фоне.

– Все в порядке?

Я порадовалась бы этому вопросу, если бы его задал кто-то другой, не он. В устах другого человека это означало бы участие, не безразличие, но мужчина в голубой рубашке прояснял другое – тебе не хватит?

Сотовый из моих холодных и потных пальцев выскальзывал, я уронила его в сумочку.

– Ничего серьезного.

И отпила кофе, не чувствуя вкуса. Мое нутро, мой мир, как нестабильная юла, вращался на тонкой ножке – скоро он накренится фатально.

– Пока ничего.

Этот несносный тип пришел по мою голову, и я никак не понимала почему. Господи, мне двадцать лет, дорогу никому не переходила, зла не делала, грубого слова не говорила. А теперь все черное лезло из меня наружу.

– Давай… ты просто… уйдешь.

Попросила без надежды на успех. Он знал, о чем я.

– Увы.

Голова качнулась, пальцы под столом что-то покрутили – медальон?

– Почему?

– Почему…

Мой спутник проследил за кем-то идущим вдоль витрин слева направо, и я с удивлением заметила, что его зрачки в какой-то момент блеснули белым, как днища фотолинз. Тошнота подкатила и усилилась.

– Не делай больше ничего.

Впервые взмолилась я тихо и честно. Надоело.

– Я ничего не делаю. – Почти. – Хорошо, что твой отец в госпитале под присмотром опытных врачей. Но и у них, как ты знаешь, случаются врачебные ошибки. А уж тем более у медсестер, так часто путающих лекарства…

Мне впервые было все равно, что сейчас я, наверное, начну публично тереть льющиеся по щекам слезы. Любого можно согнуть, а я мялась под чужим натиском, как бумага. Держалась из последних сил, чувствовала: мой враг не против поговорить, вот только о чем нам беседовать?

– Почему я? Это же… – Элементалы, изучение их привычек и свойств. – Дело всей моей жизни, то, что я люблю. Бросить? Просто забыть?

Когда крошишься, хочется прояснить хотя бы что-то.

– Ну почему же, – мужской голос низкий, на том пределе, когда ниже уже не хочется, а от существующего мурашки, – наблюдай, любуйся, радуйся соседству. Но алфавит не трогай.

Я давно уже не спрашивала, откуда он знает так много. Про алфавит мы с Кевином скрывали.

– Уплывут какие-то нужные лично тебе или твоей организации данные? Так ты бы лучше денег мне тогда предложил. – Как нормальные террористы. – Чем вот так…

– Для меня там нет ничего.

– Знаешь наперед?

– Знаю.

– Тогда что с этим гребаным алфавитом не так?

– С ним все так.

Мой день уже испортился дальше некуда. Точнее, дальше было куда, но уже не хотелось. И я не думала, что мне дополнительно что-то пояснят, но человек со странным взглядом это сделал.

– Несвоевременная его расшифровка запустит череду нежелательных для людей событий.

– Для тебя лично?

– Я сказал.

– Ты не можешь этого знать, – я чувствовала, что проваливаюсь в гнев, как в бездну. – Не можешь!

И – никогда раньше этого не делала – резко хлопнула ладонью так, что зазвенела чашка и вывалилась из блюдца на стол ложка.

На мою выходку обратили внимание разве что соседние парочки и еще встревоженный официант. Я извинилась перед ним взглядом. После чего услышала:

– Я это знаю.

– Откуда?

– Будет сложно объяснить.

– Я так и думала. Ты ничего… не можешь объяснить.

Мандабол. Но могущественный, ненавистный – я едва уже терпела наше с ним чересчур близкое соседство.

– Данку… зачем? – спросила тихо, зная, что вопрос сразу же уйдет в разряд риторических. – Ребенка не жалко?

И он впервые посмотрел на меня прямо. Что-то случилось со мной под этим взглядом: выстудилась снаружи градусов на десять температура – в молле ощутимо похолодало, – приглушились невидимой ватой звуки. Все, кроме его голоса. И почему-то виделся мне идущий сквозь небытие, сотканный из хирургически-белого света тоннель.

– Ты найдешь другое занятие. Увлечение, хобби. Они поправятся, будут жить как раньше. Тебе решать…

Я выбралась из манящего коридора с усилием – просто знала, мне пока в этот свет рано, – принялась рыться трясущимися руками в сумочке. Жестом попросила у официанта счет, бросила на стол купюру.

– Это твое «я согласна»?

– Нет. Это мое «иди на…», прощай!

Не знаю, что меня держало – подбитую, на ревущем движке и одном крыле, – наверное, врожденное упрямство. С детства не терплю, когда давят. До озверения.

Уже уходила от столика, когда мне вслед донеслось то, что не услышал никто:

– Значит, увидимся сегодня позже.

* * *

Аид.

«Данку не жалко?»

И полный праведной укоризны взгляд – бушующий, как море, стопроцентно искренний, экспрессивный.

А что делать, если работа такая? Гнуть, перевоспитывать, воздействовать сразу на чувствительное, а не ходить кругами.

Жаль ли ему ребенка?

Аид задумался, покрутил в пальцах астальтовый амулет с высеченным на поверхности сложным кругом – символом смещения и перерождения.

Как ни странно, нет. И не потому, что он бездушный, не потому, что циник, садист или мразь, просто Санара видел тысячи вариантов реальности, где этот самый ребенок уже давно мертв – умер в свой самый первый день появления на свет, в месяц, год или два. Где он вырос и дожил до самой старости ветвистыми вероятностями – счастливыми и не очень, – где болел, где был совершенно здоров, где загибался от рака, где выздоравливал от него же. Для Леа Аид выбрал довольно мягкий вариант – всего лишь поврежденный Данкин ноготь. И нет, он самолично проблему не создавал, всего лишь «столкнул» несговорчивую мисс туда, где все уже случилось, выбрал для нее новую точку фокуса. Изберет еще одну, если понадобится, додавит.

Давно перевалило за полдень, набирала обороты жара; хотелось в замок, в прохладу. А еще лучше – на Уровни. Отмокнуть в широкой ванне, переодеться, вывести из гаража машину, поколесить по окружным трассам. Может, взять выходной? Преступники ждут своего вердикта, но они на то и оступившиеся, чтобы теперь ждать, какая разница – день или два…

Леа – мул на бетонных ножках. Он не ожидал. Но ему понятно – ей есть что терять. У иных никогда не было и не появится такого увлечения, которое дарит крылья, и на которое не жаль потратить жизнь. У нее есть. Было.

Куда проще было бы принудительно изъять ее из привычного мира и ткнуть носом в нежеланное будущее, ткущееся в плотную материю из-за алфавита Древних, но закон Судей подобное запрещает – после такого, по статистике, у девяти из десяти перманентные проблемы с восприятием текущего момента. А жить с этим куда сложнее, чем без мечты.

А слова – что слова?

«Есть у меня друг, который видит будущее. Великий человек. Не человек даже…»

Подобное он мог бы сказать разве что коллегам, но те знали о Дрейке и без него.

А Леа бы тут же спросила: «Покажи? Познакомь?» Докажи, докажи, докажи.

Но на Уровни ее нельзя, показать нельзя, доказать тоже.

И потому он пойдет знакомым путем – выдавит ее с трассы на обочину, в кювет. Хорошо, если обойдется без серьезных повреждений.

С очередным порывом долетел запах далекой еще пока грозы, Санара посмотрел на небо. Безоблачно и чисто, но уже усилился ветер, принялся неласково теребить кроны и вихрить у тротуаров пыль.

Дождю быть. Вот и добрался до Софоса тот самый грозовой фронт, смахнувший с радаров А-7.

* * *

Леа.

– Ты можешь все бросить и приехать? Сейчас! Пожалуйста!

Впервые за все время наших с Кевином отношений я срывалась. Сжимала пластик так, что мобильник в руках скрипел – мне было все равно, если он развалится.

И конечно же, я пропускала мимо ушей логичные заявления: «Мы же договаривались. Я в нескольких часах пути от тебя, если выйду сейчас, то буду самое раннее в четыре. В Бонзе и так в шесть… Да что стряслось-то?»

Стряслось все. Все плохое, что только могло, и не выбрать, с чего начинать рассказ.

– Ты мне очень нужен. Здесь. – Собственный голос звучал сипло и простуженно.

«Рвать зад, чтобы выиграть два часа? Мои обидятся, я у них впервые за два месяца. Бабушка наготовила, мать шмелем вокруг вьется. Батя еще всех своих новых поделок не показал… В чем смысл, Леа?»

Кевин пытался изложить это необидно и доходчиво, я же просто отняла трубку от уха и нажала «отбой».

Он прав – смысла нет. Телепортируйся он сюда прямо сейчас силой мысли, это бы не помогло. Теплые руки, объятья, плечо, жилетка – прекрасные вещи, но в данный момент мимо. А вот успокоительную микстуру из кухонного шкафчика, похоже, принять придется.

На часах половина третьего. Хлопала форточка, ветер снаружи менялся со скоростью желаний пьяной капризной дамы; отмытая квартира сияла никому не нужной чистотой. Мои мысли ползали, как оглушенные водной бомбой муравьи; «нужно отменить виллу» – кое-как сформировалась среди них ясная. Вот только номера телефона компании, составлявшей бронь и принимавшей оплату, у меня нет, значит, «звонок другу», то есть маме.

На ее телефон ответил незнакомый мужчина.

– Алло. Вы дочь?

– Дочь…

– Мы хотели вам позвонить…

Оборвалось с тонкого жгутика и ухнуло в пропасть сердце.

– Кто вы? Где… мама? – В кишках залегли ледяные камни. Что, если я не успела? Что, если я думала слишком долго? Вращение моего мира-юлы вдруг замедлилось, и началось падение – визг сознания и громкий скрежет

невидимого металла.

– Я доктор Клайн. Вашему отцу стало хуже, а у вашей мамы слабая сосудистая система. Мы положили ее в палату интенсивной терапии.

– Почему… мне… не позвонили?

– Мы пытались, но на ее сотовом блокировка.

Да, блокировка. Змейка в виде детского домика с крышей – она смеялась, что только это могла запомнить.

– Ждите. Я выезжаю.

– Не имеет смысла. Ваши родители под наблюдением, необходимые лекарства есть. В реанимацию вас все равно сегодня не пустят. Завтра.

И в ухо застучали, как прерывистый пульс, короткие гудки.

«Нужно было спросить номер больницы», – кружила, как сорвавшийся с ветки осенний листок, одинокая мысль.

(Black Atlass – Permanent Smile)

Все. Я сдалась. Хватит. Медленно отложила сотовый, опустилась на ковер.

Я не железная и не слишком, как выяснилось, сильная. Что принесет дальнейшее сопротивление – оступившуюся на лестнице Геру, сбитого на пешеходном переходе Кевина? А после снова позвонит доктор Клайн, сообщит ужасное «мы сделали все, что смогли»?

У всего есть предел, у всех. Я своего достигла.

Человеку в голубой рубашке со странными глазами-линзами я скажу, что отказываюсь от мечты. Пусть будет так – здоровье родных мне дороже.

Одну только вещь позволю себе напоследок…

Я нашла их все – старые тетради с записями. Тонны заметок, бесценный кладезь информации. Минуты, часы, дни, вложенные в страницы. Зарисовки Элементалов точно так же, как и раньше, пахли далекой непостижимой магией, когда-то готовой повернуться ко мне понятной стороной. Увы, больше нет. Прощай, детская, теперь уже и взрослая мечта. Отныне я стану как все.

Обычная, пустая. Привыкну.

Потертые и пожелтевшие от времени страницы, исписанные от корки до корки блокноты, пометки везде – на полях, поверх других строчек, на вложенных внутрь «кафешных» салфетках.

Тогда, когда я все это писала, сегодняшний день был далеко, тогда верилось, что хрустальная лестница и дальше будет нежно звучать под моими шагами.

Понеслось мое тихое «простите» вдаль, в небытие – Элементалам. За то, что отныне предпочту их – полупрозрачных, волшебных – более не замечать, чтобы не тревожить попусту душу. А спасибо… Спасибо я говорила им многократно. Восхищалась искренне, верила в возможное «привет», доверяла свои секреты. Бывало, рассказывала перед сном, как прошел день.

Неважно. Важно, что мама снова будет смеяться, баловать неугомонную Данку пончиками, папа размахивать над мангалом резиновым ковриком – однажды он приготовит нам с Герой лучшее мясо на углях. Мое совершеннолетие отпразднуем в другой день. Когда пройдет моя хандра, когда на выписных эпикризах родителей проштампуют «Пациент здоров».

Я успела. Еще ничего не потеряно. Только часть меня, но ее никто не заметит.

Утекали, поглощаемые стрелкой настенных часов, минуты; все ощутимее колотился в закрытое окно ветер; небо затянуло тучами. Никто не звонил, не

поздравлял – я этого не замечала, не думала о том, куда вдруг одновременно и разом провалились друзья, однокурсники, далекие родственники. Человек в голубой рубашке выбил меня из привычного мира, как пешку с поля – щелчком. И от остального светлого мира я вдруг стала «за стеклом» – невидимая, неслышная, как для человечества загадочные Элео.

«А что, если…» – мысль, мелькнувшая после того, как я сложила тетради стопкой, заставила меня замереть.

Что, если…

«… отвезти и сложить записи на хранение в банковскую ячейку, а ключ от нее подарить Кевину? Что, если мой преследователь получит, наконец, обещание о том, что я не буду больше заниматься Элементалогией? Страдания закончатся? А замуж за Кевина я собиралась и раньше. И неважно, кто из нас расшифрует алфавит, я не тщеславна и всего лишь могу невзначай подкидывать редкие идеи мужу…»

Глупая мысль, но дерзкая и притягательная. И этот хлипкий план – свет маяка в непогоду, нестабильный и неустойчивый, но все же спасательный круг.

Кокон, отделяющий меня от нормального мира, вдруг дал трещину – я поеду в банк, оплачу хранение бумаг сроком на год. Дорого, но моих собственных денег на это хватит.

«А там мы с Кевином разберемся». Недаром уже пять лет – одна команда.

Придала вдруг сил надвигающаяся гроза и сигналом действовать показалась сверкнувшая за окном молния.

* * *

Гроза ворвалась в город яростно, беспощадно. Неласково прошлась пятерней шквалистого ветра по деревьям, распугала людей, порвала небо пополам злым электрическим кнутом. Грохот обрушила такой, что народ сделался похож на стаю перепуганных крыс – бежали к спасительным убежищам ближайших магазинов, под своды арок, к остановочным будкам. С пакетами на голове и без,

все без зонтов – непогоду на сегодня не передавали.

Матерился, силясь рассмотреть дистанцию до ближайшей впереди машины, водитель такси. Щурился, тер моментально запотевшее изнутри при закрытых окнах стекло противно визжащей тряпкой, пытался разогнать конденсат с помощью колесика управления печкой. Внутри салона вентилировался по кругу запах теплого пластика; на лобовое стекло ежесекундно изливались тонны воды.

– Что же это такое…

«Дворники» сметали в сторону струи и на обратном пути увязали в новых. Видимость нулевая.

Я душила в руках собственную сумочку и мысленно, как муха в янтаре, залипала в страхах. «Что, если заглохнет мотор? Если пробка рассосется, но у водителя инфаркт? Если путь в Бонзу перегородит мужчина в голубой рубашке? Если Кевин туда вообще не доедет?..»

Паника внутри – хуже грозы.

Более всего на свете я почему-то боялась, что опять, сообщая о плохих новостях, зазвонит сотовый.

* * *

(Кристина Орбакайте – Она)

Кевин в «Бонзу» пришел.

И никто не преградил мне путь. Почти пустой зал – основной наплыв посетителей случится ближе к полуночи, – лениво режущие полумрак прожекторы; под потолком почти нет сигаретного дыма.

«Счастье есть!»

Кто-то сидел за дальним столиком у стены, я не рассмотрела. Мой взгляд, как дуло сорок пятого, направлен исключительно на «мишень» в лице собственного парня, гоняющего по барной стойке стопку с крепким алкоголем.

– Кевин, привет…

Я крепко обняла его, пахнущего так знакомо, но руки с моей спины почему-то исчезли быстро; мазнули по щеке сухие губы.

– Привет, Леа. Выпьешь?

На нем ни праздничной одежды, ни цветов при себе. Весь мир словно сговорился: «Поздравлять ее сегодня – все равно, что насылать на себя проклятье…» Пропустим, я почти не ждала. Сама не при параде, голодная, до предела измотанная. Впереди самый главный диалог этого вечера – если пройдет хорошо, то все не зря. Будет на моем счету одна маленькая победа, а там поглядим, жизнь длинная…

Взгромоздилась на высокий стул, сумку далеко отставлять не стала – на ней моя рука, как на пульсе, – внутри ключ от ячейки.

– Выпью. Лаймового ликера мне с соком Дра.

Бармен коротко кивнул.

– Мне нужно с тобой… серьезно поговорить.

Кто-то смотрел мне в спину – неприятно: от этого раздергивалась еще больше моя, и без того вышедшая из строя, нервная система. Но оглядываться я не решилась. Толку? Времени в обрез, нужно потратить его умно.

– Мне с тобой тоже.

– О чем?

Напряженная тишина, спадающая на лоб длинная темная челка.

Пальцы Кевина нервно переплетены, взгляд ускользающий, как у вора. Все это я отмечала кратко, почти на автомате. Ладно, сперва решим мой вопрос, после его.

– Я начну, ты не против?

– Начинай.

Мне подали высокий и узкий стакан с сахарной присыпкой по ободу. Красиво. Наверное, я напьюсь быстро, ведь ела мало, обеденный тост давно забылся и переварился. Отпила. Коктейль получился вкусным, классическим, внутрь скатился живительной влагой.

«Пусть уже все наладится».

– Кев… – Он взглянул на меня коротко, улыбнулся привычному сокращению его имени, но больше грустно. Я собралась с духом. – Давай… поженимся.

Его пальцы на стопке вздрогнули.

Да, неожиданно. Я его огорошила, как обухом по голове огрела – мы, конечно, к этому шли, но не «бежали». А тут я за горло ошейником.

«Дура, нужно было начать с ключа, с предыстории, с пояснения про утреннюю встречу, аэролет, родителей, Данку…»

– Прости, что я так прямо. – Пусть он просто скажет «да», обнимет меня, даст понять, что все хорошо, хоть один-единственный раз хорошо за этот день. – Ты, наверное, хотел выбрать нужный момент…

– Нет…

Сейчас подходящий?

– Без кучи родственников, только ты и я. Можем даже родным сообщить позже…

– Леа, нет.

Он впервые посмотрел непривычным чужим взглядом.

– Что… нет? – осеклась я растеряно. Вдруг мелькнуло в мыслях дурное, но я сама себе не поверила. Спросила больше для проформы (конечно же, сейчас он все опровергнет). – Ты… не хочешь… на мне жениться?

– Не хочу.

И тишина. Замерло и перестало биться сердце, так мне показалось. А голова пустая и глупая, как мыльный пузырь, только не радужный, скорее, из нефти.

Я что-то в этой жизни упустила? О чем-то не знала, не подозревала? Не замечала под носом очевидного? Или же очередные происки мужика в голубой рубашке?

– Не хочешь… сейчас?

Мир еще не летел осколками, но скоро. Дрожало под натиском невидимой бури мое личное защитное стекло; когда оно разлетится, мне перережет шею.

– Не хочу… вообще. Прости. Я знаю… должен был сказать раньше.

– Сказать… что?

Я оставалась на плоту в ураган в одиночестве. Рвало паруса, кренилась единственная мачта, захлестывали, пытаясь слизнуть, стянуть за собой в пучину, дикие волны.

Привычный некогда Кевин теперь непривычно мялся, дрожал, сомневался, строил в голове слышные ему одному «правильные» фразы. Наверное, чтобы мягче, чтобы «как человек».

– Я… люблю… другую.

Мне на целую вечность вырезали язык. Когда вернули, я спросила: «Давно?» Ответа не получила. Собственно, есть ли разница – вчера или год назад?

– Кто она?

Это тоже не нужно, но почему-то важно.

Ему не стоило отвечать, но имя с языка скользнуло:

– Аурея.

Аурея… Красавица-блондинка с параллельного курса. Полноразмерный четвертый размер груди, дурманящие мужской взгляд плавные формы, все на месте – и талия, и ягодицы, и кроткая, зовущая улыбка. Назвать ее имя было все равно, что назвать меня прилюдно «доской». И ударить по спине ей же.

Я вдруг поняла, что внутри меня удивительно пусто. Наверное, должно быть больно, наружу должен рваться гнев, но я просто понимала – ключ мне отдать некому. И не могла взять в толк другое – почему сегодня?

– У меня ведь… день рождения…

Этой фразой я никому ничего не пыталась доказать. Ни всколыхнуть чужое чувство вины, ни осудить, ни призвать к ответу. Мой парень – бывший парень – расценил, однако, иначе:

– Леа, прости, я знаю… Просто она поставила мне условие: или говорю тебе сегодня, или уходит…

Он выбрал «сегодня», ясно.

И говорить больше не о чем.

– Постой, послушай…

Я верила в этого человека пять долгих лет. Ни разу не усомнилась в том, что мы команда, не допускала со своей стороны лжи, ждала того же. Все не важно… Больше нет.

Проиграла. Мир кружил теми самыми осколками, преддверие которых я недавно ощущала. Наверное, они уже резали – я не чувствовала.

Я шла к выходу из Бонзы четко по центру прохода, будто от этого зависела некая настройка моего автопилота. Последняя.

За дальним столиком, привалившись к стене и откровенно скучая, сидел мужчина в голубой рубашке. В его пальцах тлела сигарета; дым он лениво выпускал через ноздри, как дракон.

* * *

Аид.

(Sirotkin – Бейся сердце, время биться)

Она сидела рядом с ним на лавке; их обоих поливал дождь. К этому моменту уже выдохшийся, мелкий.

Санара молчал. Леа тоже. С утра он видел ее другой – наполненной, воздушной, искрящейся. Теперь – выпотрошенную и небрежно сшитую куклу, оболочку от человека. У нее был тяжелый день, возможно, самый тяжелый в жизни. И нет, он не помогал Кевину произнести фатальную речь, тот сам (честно, без подталкивания) выбрал путь измены и разрыва. Прояснение этого момента, однако, не помогло бы ни отбелиться Судье, ни помочь сидящей рядом девчонке.

Грохотало вдалеке; грозу снесло к северу. Только облаков пелена и потому темно, как поздним вечером.

Они молчали так долго, что ему начало казаться, уже никогда не заговорят. Это странно, но, встретившись этим утром, они в какой-то мере перестали быть друг другу чужими. Пусть слова его поддержки Леа не восприняла бы до сих пор, ему, тем не менее, хотелось их сказать. Что это все «не личное», что «так было нужно». Но кто же примет извинения от человека, который только что собственными руками душил тебя, а почти додушив, вдруг разжал ладони и произнес «прости»?

Воздух свежий, мокрый. Улицы чистые; вывеска «Бонзы» светилась радостным зеленым светом – коктейльный стакан и шапочка раскрытого зонтика сверху.

– Почему ты просто не убил меня? – послышалось, наконец, сбоку.

– Я бы не хотел умирать в двадцать один, – ответил Санара честно. – Подумал, что и ты.

Она проиграла, но не скулила. Не жаловалась на жизнь, не винила других, даже не плакала. Она «выбрала» проиграть, именно выбрала. Достойно. Совсем не как те мужики, которых он ежедневно судил и которые изрыгали ему в лицо такие проклятья, за одно только произнесение которых можно было наладить дополнительный пожизненный срок.

И все же Леа болела изнутри, он чувствовал. Сплошная гематома, невидимые кровоизлияния в сердце и мозг – ей хватило.

– Какую цепочку событий запустил бы расшифрованный алфавит?

– Войну.

Ни к чему врать, ни к чему прояснять лишнего. Ей и не требовалось. Она будто читала напоследок синопсис – нужно же узнать, чем бы все закончилось.

– Кто ты?

Он не смотрел на нее, она на него.

– Верховный Судья Аддара.

И в этот момент она повернулась. Ничего не сказала, но он ощутил ее взлетевшие вверх брови: «Сразу не мог сказать? Зачем я ходила в Управление, кого пыталась насмешить?»

И отвернулась. Выдохнула, сдулась. Пропало ее недавнее удивление, а с ним и желание как-то бороться, барахтаться, выживать.

– Верни им… здоровье, – попросила коротко и глухо. Он понял. – Я не буду… заниматься Элементалогией.

Сказала. И поднялась с лавки, пошла прочь.

А Аид все сидел. Мог бы сказать многое: что она «сильная», что «держалась достойно», что он даже (непривычный испытывать это забытое чувство) чуть-чуть ей восхищался. Пустое. Ей не нужно. Свою работу он выполнил, скоро вернется домой, отмокнет, наконец, в ванне.

А Леа все забудет, пусть не сразу, когда-нибудь. Завтра утром очнется в том же самом дне, где и сегодня, беды пройдут стороной: отец и мать не попадут в больницу, племянница не напорется на острый выступ железного листа, виллу отменять не придется. Вот только Кевин… Но Кевин уже не его забота – их личное дело.

Санара зашагал в противоположную сторону. Не смотрел на молодую девчонку, бредущую к перекрестку, подобно немощной старухе, уже решил, что, возвратив ее в собственный день рождения, обезболит чувства Леа по максимуму. Ее родственники ничего не запомнят, только она, но страдать почти не будет – тот редкий случай, когда его умение обернется не проклятьем, а подарком.

Аид резко развернулся на месте тогда, когда в предчувствии беды кольнуло вдруг сердце. За мгновение до этого услышал резкий визг тормозов, после увидел, как отлетело от бампера машины отброшенное инерцией худенькое женское тело. Леа, не посмотрев на светофор, переходила дорогу на красный.

(SVRCINA – Burning Heart)

К перекрестку он бежал, всем своим существом изрыгая внутренний протест – так не должно было случиться, не по плану! Он не приказывал этому быть! Хлопали дверцы остановившихся рядом с Леа машин, выходили люди – женщины всхлипывали, прижимали пальцы ко рту.

У Санары вхолостую щелкал ментальный затвор – заклятье Моста Времени (черт бы подрал, второй раз за жизнь!) не срабатывало. Что-то мешало, он не понимал, что именно: заворачивал временную спираль, щедро приправлял ее силой, задавал дату (утро… обед этого дня… хотя бы пять минут назад… да хоть минуту!) и ничего. Горстка пепла, а не формула! Ссыпалась вниз символами, не желающими даже светиться, не говоря уже о «гореть».

Черт!

Он злился. Сумел лишь одно: переместить их туда, где на перекрестке безлюдно, и уже через полминуты подъехала скорая.

– Отойдите, отойдите!

Взрезал сумрак вращающийся на крыше маяк; дождь смывал с лежащей на асфальте Леа кровь. Опустились на корточки агрессивные, готовые действовать доктора.

– Пульс слабый, зрачки не реагируют…

Аид, чувствуя себя неумелым и бесполезным, смотрел, как пострадавшую готовят к транспортировке – укладывают на носилки, приспосабливают кислородный аппарат.

Еще немного и фатальный исход необратим, он знал это. Время стекало в невидимую воронку, как вода на дне ванны.

Когда носилки втолкнули в карету, он кинулся к машине.

– Куда?! С ней нельзя…

– Мне можно!

– Кто такой?

Санара рыкнул первое, что было способно пресечь вопросы:

– Муж!

Медбрат нехотя подвинулся. Лязгнули двери, одновременно с этим взвыла сирена – скорая, заложив вираж, вывернула с перекрестка.

Второй час длилась операция. Нет, он не мерил шагами коридор, по мнению посторонних, даже не нервничал, просто стоял у стены замершей статуей. Раз за разом мастерил Мост, понимал, что отклика нет, и каждый раз с этим пониманием наваливалось что-то тяжелое.

Леа станет для него второй Микой, той, которая не проклинала.

Больше, чем ожидание, Аид ненавидел собственное бессилие – оно душило его, и он боролся, не желая мириться. Вливал тонны энергии в то, что мертво молчало; между ним и Мостом будто чужая стена, будто проснулась и вмешалась некая третья сила… Откуда бы ей, дери его за ногу, взяться? Все должно было пройти тихо и мягко, без критических последствий, но горел алым светом у двери операционного блока знак «Не входить!».

Доктор вышел усталый, без света в глазах.

– Сделали что смогли. Но… ваша жена… Повреждения практически несовместимые с жизнью. Она в коме, но… сколько это продлится.

– Точнее! – приказал Санара жестко; седой хирург вздрогнул.

– Какие могут быть прогнозы? Она может прожить всего пять минут или час.

– Надежда на выход?

Та самая тишина, которая добила бы родственников, призывая обдумывать дизайн надгробного камня.

– Если только чудо. Но в ее случае… не верю, извините.

Заведующий отделением – погасший и утомленный – зашагал прочь, оставив странного гостя, поверх штатской одежды которого уже отчетливо просматривалась черная хламида, стоять перед дверьми операционной в одиночестве.

(Aviators – Song of the Abyss)

«Туда нельзя!» – крикнули бы ему, если бы видели, как он быстрым шагом прошагал в реанимационную палату.

У нее может быть всего пять минут. Значит, и у него. Не попытается ее спасти – не простит себе.

В палате приглушенный свет, тишина, если не считать звука сердечного монитора, кровать. Посреди нее – огромной, как белая лодка, – Леа казалась мизерной, тщедушной. Голова в бинтах, вместо щеки сплошной синяк.

Аид приготовился к тому, что собирался сейчас совершить, проверил внутреннюю решимость – да, ее хватит. Он очень давно проводил этот ритуал, в последний раз, кажется, лет двенадцать назад…

– Леа, – приказал, склонившись над бледным лицом. – Леа, смотри на меня!

Приказ проник в ее голову иглой. Дрогнуло сначала тело, затем веки – неуверенно задрожали, с усилием приоткрылись; Санара тут же ухватил чужой мутный взгляд, как канат.

– Следуй за мной!

Выстроил белый коридор, повел сознание за собой.

Он очень вредил ей искусственным выходом из комы и знал об этом, но времени в обрез. Или рисковать, или терять.

Они шагали в место, которого не существовало ни в одном из миров, лишь в его воображении – в высокий сводчатый пустой зал, где окна черны, а потолка не разглядеть. Остановились в его центре – он в хламиде, как полагается, она светлая и воздушная, совсем как утром.

– Леа, смотри внимательно.

Там снаружи счет, наверное, шел на минуты, если не на секунды – может войти медсестра, может не выдержать нагрузки мозг.

В его руках амулет – Колесо Вечности. Сейчас он подбросит его в воздух, и образуется куб с шестью гранями. Каждая грань – Выбор. Один-единственный шанс все изменить. В какую сторону без чужого вмешательства решает судьба и тот, кто созерцает полет.

Три, два, один – медальон в пальцах накалился. И тогда Санара подкинул его.

– Смотри на Куб, поняла?! Смотри не отводи взгляд.

Взлетел, увеличиваясь в размерах, в воздух светящийся предмет. Изменился геометрически, сверкнул вершинами, оброс сложными символами.

– Какой?! – проорал Аид. – Это твой шанс, Леа. Выбирай, куда ты хочешь попасть!

У нее в запасе пара секунд; с него уже сошло семь потов. Более он может никогда не повторить эту процедуру, заклятие Выбора сложно, оно поддается активации раз в дюжину лет. Способно убить или положить к ногам мир.

– Выбирай! – проорал снова, когда Куб достиг вершины полета, а после начал снижение.

И выдохнул, как школьник, чью сестру только что вытащили из пожара живой. Леа сделала свой выбор, он видел это по ее глазам.

– Что вы делаете? Отойдите! Вы ее убиваете!

Его оттаскивали от кровати чьи-то руки, кажется, двух медсестер и врача.

«Уходите! Немедленно покиньте палату!»

Пациентке что-то кололи; орал дурниной прибор, измеряющий давление и пульс. Вращалась под потолком красным сигнальная, оповещающая о тревожных показателях, лампа.

Аид уходил выдохшийся, уверенный, что снаружи ему придется посидеть под дождем минуту-другую на мраморных ступенях больничного крыльца.

* * *

Мир Уровней.

Часом позже он набрал Начальника. Долго добирался до замка, после через Портал на Уровни, дальше на авто…

Помыться не успел, больше и не желал, знал, что ополоснется в душе перед сном, после в постель.

– Вечер добрый.

Ему ответили после первого же гудка.

– Посмотри карту Судьбы Аддара, – попросил глухо и без предисловий. Знал, что Дрейк ради этого отвлечется от чего угодно, от любой важности дел. Приготовился ждать.

Плыли одна за другой сложные мысли – куда приведет ее Выбор? Не напортачил ли он, предоставив его ей? А что, если к тому же исходу?

– Чисто, – ответили в трубке. – Войны нет. Книги останутся непрочитанными еще, по крайней мере, ближайшие три сотни лет.

Санара выдохнул. Значит, Леа избрала что-то иное. Никому не узнать, что именно.

– Что ты с ней сделал? Уговорил?

Тишина. Горечь, присутствующую в эмоциях и на языке, Аиду удалось скрыть.

– Деактивировал.

Ответил. И положил трубку.

Глава 2

(Miriam Stockley – Adiemus)

Я была морем.

Волнующимся сверху, тяжелым и холодным у дна. Спокойным, отстраненным, спящим и в то же время бодрым; во мне плавали рыбы и колыхались водоросли. Я была каждой разбивающейся о камни брызгой, подвижной, сползающей со скал каплей, несущейся вперед волной, живущим лишь долю секунды и лопающимся через мгновенье пенным пузырьком.

Я была ветром. И для меня не существовало ни преград, ни расстояний, ни верха, ни низа – лишь свобода, скорость и полная невесомость. Я путалась в облаках, умывалась соленой влагой, исследовала пещеры, изгибы и формы булыжников, гладила прозрачными руками травы, баловалась

непредсказуемостью и вседозволенностью.

Я была землей. Фундаментом всего – недвижимым и нерушимым, извечным в своей стабильности. Это по мне перекатывались песчинки, это в меня прорастали корни, это в моих глубинах формировались залежи кристаллов.

Я была всем: солнечным светом, бликами на гребнях волн, парящими вдалеке птицами, шумом прибоя, гранитным берегом позади. Днем, временем, этим островом…

И еще я была Леа. Когда-то. Несмотря на то что теперь я ощущала себя многими людьми и прожитыми судьбами, часть меня осталась именно ей – Леа.

С тех пор как Судья подбросил вверх Куб и подарил мне Шанс (о да, я помнила и Судью, тот сумеречный зал и вращающиеся грани), здесь на Аддаре минуло три года. Три года здесь, но всего лишь месяц с Элементалами.

Чередой снов-ощущений, вот как я их запомнила. Колоссальным объемом знаний, невообразимой легкостью, умением общаться без слов, жить без тел, не строить ненужных границ, уметь все, если то способен вообразить разум.

Потому что именно этого я (незримо от самой себя) желала, когда вращался Куб – закончить начатое. Не уходить, пока все не разгадаю, понять, наконец, что же они такое – прозрачные люди? О чем молчат, мечтают, что знают и как между собой общаются.

Все сбылось.

Погрузившись в долгую кому и однажды попросту исчезнув с больничной койки в госпитале, я не умерла, нет. Я провела чудесное время во внетелесном состоянии, ни минуты из которого не сумела бы после описать словами (разве можно описать сон?), и возродилась здесь на Аддаре.

Забавным мне казался теперь тот факт, что Куб Судьи исполнил не одно мое желание, а сразу все, таившиеся, как оказалось, под очевидными пунктами «хочу». И следующим из них, после мечты общения с Элементалами, в моем списке значилась «свобода». Полная, от всего – без привязанностей, ненужных

хомутов, ответственности. И потому из долгого сна на поверхность я вынырнула в той реальности, где моя мать (мать Леа) родила вторым ребенком не дочь, а сына по имени Майрон, которому недавно исполнилось двадцать два. Таким образом, у нынешней меня родственники отсутствовали.

Догадывалась ли та Леа, которой я была раньше, об этом желании? Однозначно нет.

«Сюрприи-и-и-из!»

Еще одной вещью, из-за которой я вновь решила испытать свою судьбу в человеческом теле (хотя могла навсегда остаться в невесомом и крайне притягательном мире Элео), была месть. Не месть даже – это слишком тяжелое слово, отдающее гневом, залитой кровью сталью и финальным ором в лицо врага… Нет, подобными категориями я более не мыслила. Но я – Леа, – глядя на падающий Куб, когда-то от всей души пожелала, чтобы Судья Аддара однажды познал то же, что познала в тот далекий день я – ощущение полного бессилия.

Это меня и вернуло. Теперь я здесь, все еще способная соскользнуть обратно в эфемерный сон и раствориться на иных частотах мироздания, но уже достаточно уплотненная, чтобы чувствовать мокрый песок под ягодицами.

«Играем?» – вопрошала меня обступающая все плотнее реальность. Игра не впустит Игрока, пока тот не поверит в «настоящность» избранной площадки. «Ты решилась?»

Сюда или обратно?

Я размышляла.

Да, я вынырнула неизвестно кем три человеческих года спустя, это так, но отнюдь не для того, чтобы заставить некоего человека ощущать бессилие. Это скучно. Новая я – наполовину человек, наполовину Элементал, – совершенная личность с объемным восприятием и высокочастотным оборотистым мозгом, слишком отличалась от себя прошлой, чтобы мерить все старым метром. Однажды я найду Судью, мы встретимся, и, может быть, даже скрестим шпаги, но уже не ради мести, скорее, ради чего-то другого… Чего именно? Любопытно будет узнать, раз уж это он когда-то подбросил Куб, вернувший меня на Аддар.

«Сюда?»

«Или обратно?»

Обратно к Элементалам – заманчиво. Вновь общаться ощущениями и мыслеформами, знать о мире непостижимое, не пытаться уместить информацию мозгом, но быть ей – информацией.

Но в то же время как восхитительно, оказывается, стать человеком, способным прочувствовать собственную силу на кончиках пальцев. Видеть порывы ветра глазами, вдыхать морскую соль порами кожи, понимать, как за секунду обрести невесомость воздуха или текучесть воды. И так славно шумит у ног прибой, так игриво ластится к коже ветер…

«Играем!» – решила я спонтанно и безо всякой логики.

И, сказав это, окончательно уплотнилась.

* * *

(Irina Rimes – Vivons les)

– Женщина… Девушка… Вам не холодно?

Он не был злым и не питал дурных намерений. Просто толстый парень, возрастом около тридцати, в дурацкой красной кепке и с бородой. Еще не жирный, но уже размазанный, рыхлый. Даже высокий рост не спасал.

От моего взгляда он не отпрянул, удержался, хотя ему было страшно – у еще не стабилизировавшейся меня цвет глаз менялся часто.

Холодно? Он спросил, не холодно ли мне?

Не знаю, сколько я сидела на берегу, но только теперь окончательно осознала, что у меня есть настоящее человеческое тело. С длинными волосами, развевающимися по ветру, с гладкой теплой кожей – все, как и должно быть, – с руками, ногами…

И голое.

Как этот неуверенный в себе бедолага вообще решился подойти к обнаженной женщине на заброшенном пустынном берегу?

– Одежду вашу… украли, наверное?

Он искал несуществующим фактам несуществующие оправдания. Я же смотрела на зажатый в пухлых пальцах прозрачный пластиковый стакан с газированным апельсиновым соком. Только теперь поняла – я хочу это попробовать. Чтобы холод по горлу, чтобы пузырьки, чтобы сладость с ароматом цитрусовых внутрь.

– Можно?

Я указала на стакан, и бородатый, чуть замешкавшись, протянул его мне.

– Д…да, конечно… возьмите. Оставьте себе…

Он смотрел на мою увеличившуюся со времен Леа грудь до полновесного третьего (даже чуть больше) размера. Отлипнуть не мог. Стеснялся, корил себя за несдержанность, но вместе с этим жадно впитывал зрелище – его он будет крутить в голове ночью, с руками под одеялом. Это забавляло.

Сок оказался именно таким, как представлялся – терпким, свежим, со звякающими кубиками льда. Шипучим и освежающим.

Моя грудь при движении руки, поднимающей и опускающей стакан, покачивалась – истекал слюной приклеенный к ней взгляд.

– Хочешь потрогать? – спросила я мягко.

Ему хотелось. Но паника сильнее, она подавила все инстинкты бородатого до того, как тот сумел выдавить вожделенное «да».

– Н-н-нет.

«Спасибо» добавил так тихо и невнятно, будто уже придушил себя изнутри.

И зря. Ну положил бы ладошки, подержал бы чуть-чуть. Если бы осмелел, так и соски бы погладил. Словил бы от этого неподдельное удовольствие, такое сильное, что вышибло бы крышку «чайника», домой бы вернулся совершенно другим человеком. Верящим в счастливые случаи, в удачу, в то, что он хоть немного, да привлекателен, и, значит, может быть любим. Вся жизнь пошла бы иначе.

– Чудная.

Неторопливо допивая сок, отозвалась я о его майке с рисунком из человечков под зонтиком.

– Вам… нравится?

И он вдруг принялся стягивать ее с себя, протянул мне – пахнущую чужим потом и скрытым вожделением, – оголил собственный рыхлый торс с внушительным пузом и свисающими над шортами боками.

– Возьмите… у вас одежды… нет.

Я взяла.

А он отправился прочь. Радостный оттого, что сумел кому-то помочь, что оказался в правильное время в правильном месте. Заодно прячущий в шортах эрекцию.

Сок я допила. Майку надела.

Не голой же идти в город… И чем вообще занимаются новорожденные, если пропустить этап взросления с родителями, этап обучения, который я уже

прошла, и этап «срочно хочу замуж, детей, а после счастливо помереть»?

Очевидно, мне нужен дом, и, значит, деньги. Много и быстро.

* * *

(Michael FK – End Time Delusion)

Мягкий край майки от ветра по ногам, тепло солнечных лучей на лице; я вмещала в себя город: стелющийся под ногами асфальт, жаркий ветер по улицам, гул машин, суету. Оказывается, можно быть полным и пустым, находиться внутри человеческого тела, но быть снаружи. Тем мы и отличались от множества людей, идущих мимо – мужчин и женщин, – все они были «внутри». Познавали мир в его ограничениях, временно забыли, что можно познавать отсутствие рамок. Им всем недоставало уверенности в себе и чужой любви, мне доставало всего. Времени не торопиться жить в том числе. Стоять неподалеку от проезжей части, тикать этим днем с неспешностью циферблата, растягивать секунды в вечности, ощущая скользящий по коже хлопок…

Затекала в меня от целующейся неподалеку парочки объемная радость – они, познакомившиеся всего месяц назад, верили, что впереди, как прямое бетонное шоссе, счастливое совместное будущее и безоблачное небо над непокрытыми головами. Он любовался в ней каждой черточкой, она нетерпеливо ждала его звонков, они волновали друг друга, словно вспененные барашки волн.

Мне вдруг захотелось так же. С кем-нибудь, неважно с кем. Но как взволноваться мужчиной, если каждого из них я теперь вижу в прямом и переносном смысле насквозь? Время покажет, оно иногда берет свое непредсказуемым образом.

И все же именно здесь, на перекрестке Блумма и Листауса, я подвисла не просто так – на той стороне стоял Центральный банк. Украшенный колоннами и серо-симпатичный с фасада, но неприступный изнутри. Неприступный, конечно же, на первый взгляд.

Я размышляла. Можно попробовать увидеть внутреннее строение, сосредоточиться на переходах, отвести глаза охране, даже миновать сложные замки и толстые двери, но… энергозатратно. Слишком долго, слишком много сил, мало интересного. Должен быть другой путь.

И вдруг он появился – мой другой путь. Как раз показался из высоких дверей, принялся спускаться по ступеням, держа в руке черный кожаный кейс. Мужчина, на вид под шестьдесят, в отглаженном и плотном, несмотря на жару, костюме, усатый, спешащий. Мне хватило нескольких секунд, чтобы уловить главное: служащий высшего звена, за тридцать с лишним лет работы провел сотни финансовых махинаций и увел на закрытые счета не один миллион корон. То, что нужно. Не раздумывая ни секунды, я быстро зашагала к перекрестку, мысленно салютуя неизвестной мне женщине, забывшей на пляже шлепки. На раскаленном от полуденного солнца асфальте они мне очень пригодились.

Я ловко влетела на пассажирское сиденье широкой представительской машины сразу после усатого и захлопнула дверцу.

– Вот мы и встретились… Привет!

– Девушка… вы кто? Что вы… здесь? Выходите, я позову…

Уже охладил салон кондиционер. Кто-то заботливо подготовил авто для владельца еще на подземной парковке.

Водитель тяжело дышал. Не требовалось быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что он болен – из-за лишнего веса и постоянного стресса давно дала сбой кровеносно-сосудистая система. Что-то не то с легкими.

– Ну что ты, убери телефон, – попросила я мягко, – не надо охранителей. Я твоя дочь. Не узнаешь?

– У меня… нет…

У него были дети. Двое. Взрослый уже сын и девочка семи лет от молодой жены.

Усатый делал вид, что набирает номер стражей правопорядка, на деле он от растерянности забыл их номер. Тряслись пухлые руки; черный кейс лежал на заднем сиденье. Жаль, что в нем только бумаги – наличные ускорили бы процесс, но их я внутри не чувствовала.

– Посмотри на меня… Двадцать один год назад, Коарское побережье, темноволосая женщина по имени Адрия, помнишь?

Он не мог этого помнить, но я уже поймала чужой испуганный взгляд, и теперь усатый вспоминал то, чего раньше не знал, вместе со мной. Маленький семейный отель на восемь номеров, цветущие в горшках на балконах бордовые кризалии, красивую девушку в белом платье и украшенной цветами шляпке…

– Помнишь? – спрашивала я тихо и вкрадчиво. – Вы провели вместе всего два дня. А я – ее дочка. Ее и твоя.

К собственному ужасу, банковский служащий лавинообразно вспоминал. Да, была когда-то давно некая Адрия, он, помнится, гулял с ней до рассвета по морскому берегу, после обещал, что не забудет. Что позвонит, сообщит свой новый адрес – его ведь отправляют работать в столицу, – обязательно даст знать, когда устроится, чтобы она вновь к нему приехала.

Но не позвонил. Сам не знал почему. Теперь же знал наверняка, что если молодая жена узнает о еще одной взрослой дочери, закатит такой скандал, что никакие сбережения на счетах не помогут. А ведь он не для себя старался, для детей, чтобы ели сыто, выглядели красиво, чтобы двери им раскрывали лучшие институты…

Неплохой мужик. Трусливый, но не подлый, и воровал действительно для детей. Только теперь не мог взять в толк, что ему со мной делать.

– Помоги мне деньгами, – подсказала я, – и не нужно меня вести домой, жене представлять. Зачем эти… тряски. Да?

Он уловил с полуслова.

– Сколько?

Перестал набирать номер, убрал в карман телефон, только дышать стал еще тяжелее. Натужно, с сипом.

– Десять миллионов.

У него на счетах гораздо больше, не обеднеет.

Вытер лоб платочком из кармана, ответил затравленно, но честно.

– Пять могу быстро. Чтобы десять, нужно ждать… на других счетах, долго…

Я легко пожала плечами, я сговорчивая.

– Давай пять.

Усатый полез во внутренний карман за чековой книжкой.

– Только обналичь сам, ладно? Сейчас. Тебя здесь знают, ни о чем спрашивать не будут.

Мигнули круглые глаза. Водитель кивнул и, позабыв про кейс, вышел из машины.

Он не был плохим человеком. Любил сына и вторую жену, баловал младшую дочь, души в ней не чаял. Наслаждался, несмотря на недуги со здоровьем, своим новым авто, которое приобрел недавно. В салоне до сих пор витал флер обожания и удовольствия от прикосновений к мягкой кожаной обивке, от взглядов, брошенных на сверкающую приборную панель. Усатый любил музыку и радио. И потому хорошая акустика, магнитола нового поколения, несколько входов для разных видов носителей. Он умел брать – этот человек – и умел давать. Он был закомплексован, но в то же время щедр, зажат, но добр.

И еще ему не протянуть и года.

Не знаю, в какой момент я уловила, что его зовут Эрмоном, но вернулся Эрмон с пакетом, в каких обычно носят из магазина свежие багеты. Грузно плюхнулся в салон, закрыл дверь, деньги протянул мне сразу. Ни на секунду не усомнился, что ему врут, потому как, пока шел в банк, всплыли в памяти новые моменты – как Адрия учила его (молодого и неуклюжего) танцевать, как он смущался, что не принес ей в первый вечер букет, как жалел о расставании, когда уезжал.

И теперь он смотрел на меня – не замечал, что я в одной только майке и безо всякой сумки, – и видел в моем лице сходство с той самой красивой женщиной, давно канувшей в прошлое. И чуть-чуть с собой.

– Ты скажи ей…

Он сам не знал, что хотел передать той, которую, как теперь считал, предал.

– Я скажу ей, что ты классный, – договорила я мягко. – И что ты мне очень помог. Не зря она всегда отзывалась о тебе хорошо.

Эрмон смущенно молчал. Он начинал думать, что это нечестно не представить меня новой жене, не пригласить в дом, не ввести в свою жизнь. И вместе с тем боялся проблем.

– Мне нужно идти. – Чем дольше я с ним, тем плотнее для него будет становиться иллюзорная версия правды. Пора уходить. – Спасибо тебе, пап.

Вышло искренне.

И я подалась ему навстречу, чтобы обнять. Он, удивленный и растроганный, подался тоже.

«Замри», – попросила я мысленно, когда чужие руки неуверенно обняли меня, и время подчинилось – потекло медленно, прозрачно и густо. Замер и разум Эрмона.

Хорошо, что он умел брать и отдавать, я собиралась сделать то же самое. Деньги уже взяла, теперь нужно кое-что отдать. Просматривая внутреннюю структуру чужих легких, пораженных последней стадией фиброза, я шаг за

шагом замещала больную ткань здоровой в своем разуме. Это моя площадка и моя Игра, я выбирала в ней видеть усатого мужчину здоровым. Той его версией, в которой он спокойно проживет еще двадцать – двадцать пять лет и уйдет отсюда удовлетворенным, что сумел правильно и в срок завершить то, что желал.

Элементалы научили меня видеть невидимое и выбирать из пространства вариантов нужное. Я усвоила. Потому, когда отстранилась от водителя, просто сказала:

– Пока!

И вышла из чужой машины.

Эрмон же впервые за долгое время вздохнул с облегчением.

До риэлтерского агентства на углу соседней улицы оказалась пара минут ходьбы. Внутри прохладно, чисто. Миновав вежливых мелких клерков в количестве трех человек, я вошла напрямую в кабинет директора, точнее, директорши – дамы сухой, немолодой и очень тощей.

Уселась в кресло для посетителей, положила мешок для багета на стол. Заявила кратко:

– Мне нужно хорошее жилье. Деньги есть. Документы, устанавливающие личность, предъявлю позже.

Она не зря напоминала хваткой акулу и удерживалась в своем бизнесе вот уже второй десяток лет. Помедлила секунду, проглотила ненужный вопрос о том, достаточно ли у меня средств для того, чтобы она пошла на незаконную сделку, взглянула на меня внимательно и повернулась спиной, чтобы достать из шкафа толстую папку с фотографиями.

Да, я могла «отжать» дом бесплатно у любых людей, заменив им память, но не видела в этом смысла. Куда больше удовольствия мне доставляла мысль о том, что скоро кто-то получит за свою жилплощадь хорошую цену и порадуется

этому. А деньги? Они достались мне от человека, который не вылечил бы свою болезнь ни за какие миллионы, и который к тому же всегда будет помнить, что где-то далеко есть женщина, оставившая от него дочку. Классную дочку. Которой он очень своевременно помог. Отличное чувство!

Папка легла передо мной на столе слева от пакета с деньгами.

– Воды? – поинтересовалась директорша, не обращая внимания на мой странный полуодетый вид. – Вы хотите квартиру, отдельный дом или пентхаус? Желаемый район?

* * *

Аддар.

Центральная тюрьма Бедикен.

Аид.

(Blue Stahli – Corner [Justin Lassen Remix])

Аид с самого утра пребывал в мрачном расположении духа, и это само по себе было скверно. В те редкие дни, когда его разум подергивала «чернота», решения судьи становились жестокими, крайне болезненными для других, а его чертова хламида делалась душной и тяжелой, как мешок из-под мокрого цемента. Это добавляло балл к злости.

– На сегодня трое, – торопился успеть с ним в ногу новый помощник, имени которого Аид не знал. – Кендрик Златоног, пират, осужден за грабеж трех судов, название декки[1 - шхуны – здесь и далее прим. автора] Арана…

– Зачем? – прервал одним словом.

– Что… зачем? – сбился помощник.

– Зачем мне знать название его декки?

– Э-э-э…

Пахло чадящей смолой факелов, плесенью влажных стен и морским бризом, пролетающим сквозь бойницы длинного коридора. Судья шагал быстро, потому что покончить с преступниками сегодня желал как можно скорее – ему нужно снять напряжение, иначе чернота захлестнет. Он прожил на этом свете не одну дюжину лет, а эффективного метода борьбы с собственной темной стороной пока не нашел.

– Второй: сводник и «крыса» Отто Йенаус, осужден за пособничество разбойным шайкам и содержание подпольного борделя в южном порту, предварительно приговорен к трем годам…

– Третий?

– Третья. – Юнец старался быть с Верховным Судьей почтительным, таблички в руках менял быстро, читал бегло. – Ида Тулани, семьдесят четыре года, задержана за проведение запрещенного ритуального обряда с использованием крови животного. В прошлом причастна к серии подобных же, требуется дополнительное дознание.

У Санары дернулось веко. Он терпеть не мог «заговорщиц», они зачастую по хладнокровности превосходили серийных убийц, и смотреть им в глаза – все равно что разглядывать помойную яму. Хорошо или плохо, что одна из таких попалась ему сегодня, когда он под влиянием грозового облака?

До конца коридора, где располагалась камера – следственный изолятор, еще оставалось добрых метров двадцать, а ор надзирателя, требующего признания, гулом отражался от стен.

– Или ты говоришь, где спрятал награбленное… – Удар, чей-то стон, плевок на пол. – Или Судья прикажет тебя повесить! Жить хочешь? Или сдохнуть?!

Еще один удар, после еще.

Тяжелую дверь к своим троим «подопечным» Санара открыл поморщившись.

При его появлении разом притихли все: и заключенные, и надзиратели. Последние поспешно отступили к двери, как предписывал протокол, чтобы в поле зрения Судьи не попадало отвлекающих факторов. Собственно, его взгляда даже «свои» боялись настолько, что для возможности ретироваться подальше им не требовалось никакое предписание.

Тишина. Вонь из угла; несмелый звон цепей – мускулистый бородач потер ушибленную руку.

Его Санара «просветил» первым. Прищурился, приковал к себе взглядом, выхватил чужое сознание рентгеном. Итак, Кендрик Златоног, в прошлом Кендрик Исуду, обедневший рыбак. В пиратство подался из-за обиды на жизнь, привлекся мыслью о легких деньгах. Благодаря зычному голосу и мускулистому телосложению быстро выбился в лидеры, собрал команду, начал грабить. Уровень агрессии – сорок шесть, раскаяния – восемнадцать. Хоть не бессовестный.

Второй «клиент» – грязный и тощий, с прядями жидких вьющихся волос, свисающих вдоль узкого носатого лица, – тот самый Отто, сводник и «крыса». Агрессии почти нет, но нет и раскаяния. Хитер и изворотлив, как старый лис…

– Может, отпустишь бабушку домой, милок?

– К Верховному Судье можно обращаться только «Ваше почтение», карга! – рыкнул из-за спины надзиратель, но Аид, призывая к спокойствию, поднял руку.

– Подойди, – приказал коротко.

– Ноги не те, чтобы бегать, – ворчала Ида-заговорщица поднимаясь, – хоть бы руку подал… Да и негоже пожилую женщину в тюрьме-то держать, не находишь?

Ее старое тряпье всего за сутки успело пропахнуть мочой – из следственной камеры без разрешения Аида никого не выпускали даже в туалет, что в дополнение являлось неплохим средством давления на психику, за сутки выворачивающим мышление большинства наизнанку. Ему же приходилось терпеть.

Она шла к нему и щерилась, уверенная, что вскоре отправится домой.

– За что взяли-то? Ну шептала стишок на погоду, али запрещается? Дождик-то не лишний, всходы лучше пойдут…

Рот щербатый, бесцветные глаза бездушные, притворно-добрые, в глубине пустые. Седые, длинные, причесанные пятерней волосы, лицо улыбчивое, но отталкивающее.

– Смотри на меня, – Санара уже заранее знал, что сейчас увидит то, что ему не понравится, но уклониться от выполнения собственных обязанностей не мог, да сегодня и не желал от них уклоняться.

– Смотрю, только чего смотреть-то?

Она не боялась его. И никого другого – ни черта, ни бога, – потому что первое, что он вычислил, приковав ее взгляд к своему, это уровень скрытой агрессии в девяносто один процент. Максимальный, какой он когда-либо читал за все годы работы.

Ему было противно все, что, погрузившись в темную глубину чужого разума, он находил: она лепила домашние конфеты, добавляла туда дурман-приправу и раздавала соседским детям, отчего те чинили драки и досаждали родителям. Хихикала, когда те же самые дети приходили за новыми. Она резала чужие пальцы, капала кровью в стакан, осуществляла фальшивые привороты и потешалась над теми, к кому «суженные» не возвращались. Брала деньги за «полечить», но никогда не лечила, потому что не хотела и не умела этого делать, продавала слабительные порошки под видом средства от желудка, разливала на крыльце незнакомых людей масло в надежде, что те поскользнутся. И однажды взяла младенца-инвалида у растерянного папаши, не желавшего тратить жизнь на взращивание неполноценного отпрыска,

пообещала, что вылечит и отправит в приют. Малодушный отец отправился врать плачущей жене, что ребенка украли – «ничего, мол, родим нового», а взятого за тридцать корон младенца Ида придушила подушкой…

Дальше он смотреть не мог. Мог. Но не стал.

Попросил тихо:

– Подойди ко мне, Ида.

«Ты не Ида. Ты гнида!»

Обхватил старушечье лицо руками так плотно, будто собирался притянуть к себе и поцеловать. Старуха недоверчиво замерла, неспособная предположить, с какой стороны дует ветер.

– А доказательств-то и нет, – дыхнула на него зловонным дыханием. – Придется отпустить.

Санара понял, что сегодняшнее грозовое облако – это хорошо, что оно пришло вовремя. Не придется бороться с чернотой, можно ненадолго дать ей волю.

– Ты… не…

Она все поняла, увидела по его глазам слишком поздно.

То резкое движение, которое Санара совершил руками, походило на крен стенок огромной мясорубки – треск костей; свернутая седая голова повисла на бок, мертвая Ида кулем осела на пол.

Кто-то перекрестился; заскулил закрывший голову руками Отто. Не сдержал рвотный спазм новый услужливый помощник.

– Я скажу… – теперь лепетал пират, и вся его внушительность разом улетучилась, – кого грабил, куда спрятал, все скажу…

Аид старался более ни на кого не смотреть. Если увидит любое дополнительное прегрешение сейчас, вынесет такой вердикт, что жизни не хватит расплатиться. Он просканировал главное: раскаяние Кендрика моментально выросло вдвое, у Отто добавилось в полтора раза – этого хватит.

Приказ отдал быстро и ровно:

– Златоног – в случае чистосердечного признания четыре года на руднике острова Риввал. Йенаусу назначить пять дней ямы, конфискацию имущества, и депортировать с Софоса без права на возвращение. Эту… убрать.

На труп он даже не стал смотреть. Ее давно надо было сжить со свету, жаль, что поздно.

– Помыть камеру.

Помощник вытер рот трясущейся ладонью и принялся исполнять указания; от Отто, который до сих пор не верил, что после увиденного остался жив, ощутимо несло жидким дерьмом. Обделался. Не он первый, не он последний.

Санара развернулся, толкнул тяжелую дверь и с облегчением вдохнул свежий воздух.

* * *

Мир Уровней.

Уровень Пятнадцать.

Белоснежный Лоррейн не пах морем. Он пах чистыми улицами, асфальтом, чуть влажным ветерком и молодой листвой деревьев, окружавших главное здание Комиссии по периметру. Портал в замке Доур программировался тремя выходами: домой в особняк на улице Шалье, в раскинувшийся в длину на пару километров центральный парк и к «Реактору», куда Санара, принявший душ и переодевшийся еще на Аддаре, и предпочел переместиться.

С утра получил сигнал о том, что здесь его ждало задание.

И хорошо. Потому что нужно переключиться.

На парковке ряд из серебристых машин с белой полосой на борту – мокрые капоты и крыши; недавно шел дождь. У входной двери ни растений, ни охраны – Комиссионерам последняя со времен сотворения мира не требовалась.

Уже внутри, шагая по длинным коридорам, Аид думал о том, что любит Уровни по двум причинам: а) здесь ни при каких условиях его хламида не становилась видимой. Если Аддар воспринимал его Судьей, то Уровни – почти обычным человеком, и потому на теле черные джинсы и темная кофта под горло, так гораздо комфортнее; б) здесь, в этом Реакторе, существовал тот, кто знал о Санаре все и подчас понимал лучше, чем родная мать. Дрейк. Он-то и ждал в кабинете с нечитаемым буквенным кодом на двери.

– Свободен. Готов.

Аид опустился на стул, ожидая, что сейчас Начальник оторвется от чтения данных на экране, окинет взглядом и удовлетворенно кивнет. Тот и окинул. Только долго, тяжело, после чего покачал головой.

– Задание отменяю.

Санара ощутил всколыхнувшееся раздражение – сегодня облако настойчиво требовало выхода. Сейчас бы не помешало размозжить башки каким-нибудь невменяемым идиотам. Он еще не остыл. И хорошо бы идиотов было не два-три, а пара-тройка десятков…

– Нет. – Дрейк был непреклонен. – Тебе надо расслабиться.

– Я спокоен.

– Я не сказал, что ты неспокоен.

Они скрестили взгляды-лазеры, как световые мечи.

– Слишком много напряжения, его нужно убрать.

Комиссионеры были способны видеть его черноту, Санаре даже становилось легче от этого факта. Не приходилось ничего объяснять.

– Дай мне…

Он хотел сказать «убить кого-нибудь», но не успел.

– Найди бабу.

– Что?

– Телесное напряжение лучше всего сбрасывает секс. Тебе нужно выйти из рабочего режима, остудить шестерни.

Аид бы не улыбнулся, даже если бы Начальник шутил. Но он не шутил.

Не хотелось спорить об очевидном: «У меня нет женщины, потому что никто не может смотреть мне в глаза. Все боятся».

– Купи. Заплати лучшей. Завяжи ей глаза.

Санаре хотелось чертыхнуться. Да, этот безвозрастной субъект в форме хоть и бесил временами, но все же был прав: секс помогал Аиду выйти из режима Судьи. Но этого уже давным-давно не случалось, потому что никому не нравится трахаться с завязанными глазами. А эти самые глаза обязательно приходилось закрывать либо ему самому, чтобы не пугать партнершу, либо принудительно завязывать даме, что обрубало лучшую часть его личного наслаждения.

– Я…

– Это не просьба. И не совет. Сделай, как я сказал.

Покидая кабинет, Санара думал том, что сейчас, просто для того, чтобы выпустить пар, он придушил бы Иду еще раз.

(Dennis Lloyd – Aura)

Девчонка старалась. Притворялась, что ей нравятся странные игры, когда клиент молчит, а она ощупывает его тело трясущимися пальцами, словно слепой. Слепая, коей она и была из-за плотной бархатной повязки. Притворялась, что не помнит о том, что ее подвезли к дому с накинутым на глаза капюшоном, чтобы не запомнила адрес, что вели по комнатам под руку, что не дали даже посмотреть на того, кого она теперь ощупывала. Вроде бы не стар, судя по коже и мускулатуре, очень крепок, если пройтись по бицепсам и прессу, вот только лицо она кончиками пальцев читать не умеет – может, урод? Иначе зачем предварительная конспирация?

А Санара чувствовал ее беспокойство, как собака чует запах подгнившего мяса, уже невкусного и непривлекательного даже для того, кто голоден.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

шхуны – здесь и далее прим. автора

Купить: https://tellnovel.com/veronika-melan/sanara

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити